

На правах рукописи

НОВОСЕЛОВА Ольга Владимировна

**ПРЕДВЫБОРНЫЕ МЕНАСИВЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ США:
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ**

10.02.04 – германские языки

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Тверь – 2022

Работа выполнена в рамках совместного научного проекта кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» и кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Тверская государственная сельскохозяйственная академия».

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Романов Алексей Аркадьевич.

Официальные оппоненты:

Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романо-германской филологии и лингводидактики ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»;

Слышкин Геннадий Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии права и юридической коммуникации, заместитель директора Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта»;

Чанышева Зульфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет».

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет».

Защита состоится «__» _____ 2022 г. в _____ на заседании диссертационного совета Д 212.263.05 при ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» по адресу: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 52.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» и на сайте ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»: <http://dissertations.tversu.ru/>

Автореферат разослан «__» _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Е.В. Малышева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Настоящее исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике и посвящено интегративному описанию лингвокогнитивного механизма, который лежит в основе функционирования предвыборных дискурсивных менасивов, отражающих социально-вербальное поведение политических деятелей в условиях американского публично-информационного пространства в период с 2015 по 2020 годы. Под предвыборным менасивом (от лат.: *minatio, minationis* – «угроза») понимается комплексная естественно-языковая практика коммуникативного проявления политика-кандидата в виде вербальных образований, объединенных иллокутивной доминантой побудить избирателей к предпочтению определенного кандидата и сопряженных с декларированием наступления негативных последствий в случае выбора другого политика. В русле обозначенного подхода менасивы политических деятелей (также: высказывания-угрозы, высказывания со значением угрозы, менасивные дискурсивные практики или акты менасивной дискурсии) рассматриваются как вербальные разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, который являет собой продукт когнитивно-дискурсивной деятельности политика и репрезентирован в виде совокупности естественно-языковых практик английского языка.

Актуальность избранной темы обусловлена наличием устойчивого интереса в области общего и германского языкознания к изучению политического языка и описанию практик «языка / дискурса власти» и «власти дискурса» (Баранов, 1990; 1997; Дейк, 1989; 2013; Демьянков, 1995; 2002; Кастельс, 2016; Патюкова, 2009; Романов, 2002; Романов, Романова, Воеводкин, 2000; Романов, Черепанова, 1998; Русакова, 2006; Чернявская, 2006; Чудинов, 2003; Якоба, 2016; Blackledge, 2005; Kedar, 1987; Young, 2006). Заявленная проблематика оказывается востребованной на фоне усиления влияния публичной дискурсии на коллективное сознание представителей электорального сообщества (Водак, 1997; 2011; Ноэль-Нойман, 1996; Dijk, 1998; 2002; Fairclough, 1989; Lentner, 2000), проявляющегося в установлении доминирующих отношений между политическими субъектами коммуникативных процессов на основе властного, силового способа вербального воздействия в форме менасивных высказываний-практик.

Особую актуальность обсуждаемая проблематика приобретает в свете «дискурсивного поворота» в лингвистике (Дейк, 2013; Болдырев, Григорьева, 2020; Карасик, 2002; Кибрик, 1994; Кубрякова, 2000; 2001; Макаров, 2003; Романов, 2002; 2016; 2020; Dijk, 2008), в русле которого придается значимость лингвокогнитивным исследованиям и изучению специфики форм вербального поведения политика, осознанно реализующего различные наборы «лингвориторических средств вариативной интерпретации» (Романов, 2002: 4-5), в том числе предвыборные менасивы для его публичного аутопрезентирования и выстраивания отношений с массовой аудиторией. Осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы оказывается востребованным в силу того, что в последнее время в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы возрос интерес к проблемам «фреймирования» (Яноу, Хульст, 2011: 88) процессов предвыборной коммуникации, поднимающим вопросы «структурированности и динамичности смысловой реальности политической дискурсии как совокупности речевых практик» (Романов, 2002: 23), а также к способам упорядочивания «многообразных форм знания на всех уровнях проявления когнитивной способности человека» (Романова, 2009: 17) и его коммуникативной активности (Болдырев, Григорьева, 2020; Демьянков, 1989;

Динсмор, 1995; Карасик, 2002; 2015; 2019; Кибрик, 1994; Кубрякова, 2000; 2001; 2012; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2005; 2007; 2017; Слышкин, 2004). В этих обстоятельствах возникает необходимость интегративного описания предвыборных менасивов в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы с целью решения вопросов о лингвокогнитивной специфике практик менасивной дискурсии как формы вербально-социального поведения политиков и систематизации средств поверхностной репрезентации, участвующих в формировании воздействующего потенциала высказываний-угроз в английском языке.

Степень разработанности темы исследования. В области лингвистических исследований предпринимались многочисленные попытки проанализировать менасивы с разных теоретических позиций общего и германского языкознания, направленные на изучение их *коммуникативно-интенционального статуса* (Богданов, 1990; Вежбицка, 1985; Вендлер, 1985; Остин, 1986; Почепцов, 1981; Романов, 1988; 2020; Серль, 1986; Шелингер, 1986; Austin, 1961; 1979; Fraser, 1998; Habermas, 1971; Leech, 1983; Rehbein, 1977; Sadock, 1974; Searle, 1971; Wunderlich, 1976), а также *способов выражения и содержательных характеристик* (Арский, 1998; Благий, 1994; Быстров, 2001; Жучков, 2010; Малинович, 1988; Рогожникова, 2011; Трофимова, 2008; Carter, 2010; Gingiss, 1986; Goddard, Wierzbicka, 2014; Kent, 1967; Nick, 2016; Salgueiro, 2010). Ученые регулярно обращаются к изучению англоязычных актов менасивной дискурсии как «инструмента социального влияния» (Davis, 2000) в предвыборной коммуникации и в речах политических деятелей (Гаус, Рябова, 2017; Громова, 2019; Карасик, 2018; Коротаева, Месропян, 2020; Магсумова, 2016; Мельник, Мисонжников, 2018; Молодыхенко, 2010; Пильгун, 2016; Шейгал, 2000; Bayley, Bevitori, Zoni, 2004; Dijk, 2009; Safwat, 2015).

Вместе с тем, несмотря на значительное количество работ, посвященных анализу различных характеристик высказываний-угроз, в настоящее время отсутствует целостное описание предвыборных менасивов как системы функциональных синонимов в английском языке. В этой связи оказывается неразработанной инвариантная модель (формула) функционального класса предвыборных высказываний-угроз и её возможные варианты развертывания, а также остается нерешенным вопрос о возможностях функционально-семантической (прагматической) транспозиции менасивов в условиях политического дискурса. Приходится констатировать отсутствие работ, раскрывающих комплексное представление носителей языка о феномене вербальной угрозы, а также исследований, посвященных установлению лимнологических (от греч. *«limes»* – граница) параметров типовой коммуникативной ситуации угрозы и содержательного объема лексико-тематического пространства угрозы в английском языке. Более того, до настоящего времени не поднимались вопросы отображения феномена вербальной угрозы в ментальном пространстве носителя английского языка и описания структурной организации представлений языковой личности об этом феномене. Поэтому вне поля зрения ученых оказывается осмысление лингвокогнитивной специфики феномена вербальной угрозы, заложенной в «ментальном пространстве / вместилище» говорящей личности (Лаккофф, Джонсон, 1987: 129).

В ряде работ регулярно поднимается проблема функционирования (использования) менасивов в различных сферах деятельности, в том числе в пространстве политической коммуникации (Алёшина, 2015; Апресян, 2003; Буряковская, 2018; Григорьева, 2006; Иванова, 2017; Мартынова, 2006; Маслова, 2013; Мельник, Мисонжников, 2018; Очеретина, 1995; Седов, 2003; 2005; Стексова, 2013; Хамраева,

2019; Чанышева, 2020; Эпштейн, 2010; Castelfranchi, Guerini, 2007; Chilwa, 2016; Culpeper, 2011; Kennedy, Benson, McMillan, 1980; Lockhart, 1973; Lytle, Kopelman, 2005; Muschalik, 2018). Тем не менее, остаются неразработанными функционально-семантические условия эффективной реализации предвыборных менасивов в агональной (от греч. *ἀγωνία* – «борьба») дискурсии, не определен их коммуникативный статус в системе регулятивных проявлений политических субъектов, а также не изучена роль менасивных высказываний в плане организации информационно-интерактивной деятельности политика и установлении (конструировании) новых социально-коммуникативных отношений между участниками агональной дискурсии.

Проведенный анализ научной литературы показывает, что в германском языкознании не поднимался вопрос выявления механизма функционирования предвыборных менасивов в публично-информационном пространстве политической коммуникации, на основе которого происходит оперирование феноменом вербальной угрозы политиком как автором таких высказываний и массовой аудиторией как их адресатом. Вне поля зрения ученых оказывается описание вербально-когнитивной основы тактико-стратегического использования англоязычных практик-угроз в публичных выступлениях политиков, а также не предпринимаются попытки дифференцировать воздействующий потенциал предвыборных менасивов и предложить “шкалу” для определения интенсивности их воздействия на избирателей. Кроме того, в научной практике лингвистического описания остается нерешенным вопрос о том, каким образом представители электорального сообщества интерпретируют и оценивают предвыборные менасивы, а также с помощью какого смыслового инструмента можно исследовать прагма-эмоциональное воздействие, которое англоязычные менасивы оказывают на массового адресата.

В свете выше изложенного становится очевидной своевременность разработки лингвистического инструментария, позволяющего систематизировать отдельные представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы и ее прагма-эмоциональном воздействии на массового адресата в условиях предвыборной коммуникации. Приходится констатировать, что в общем и германском языкознании остаются открытыми ключевые вопросы, связанные с изучением специфики вербального поведения политического субъекта как инициатора определенной совокупности предвыборных менасивов. Таким образом, отчетливо проявляется потребность описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования в вербальном поведении политиков коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и его разновидностей в виде дискурсивных практик-угроз как манипулятивно-воздействующего ресурса в условиях англоязычного пространства агональной коммуникации.

С указанных позиций предлагаемое исследование являет собой одну из первых попыток описания предвыборных актов менасивной дискурсии, которая предлагает свой собственный методологический аппарат для изучения лингвокогнитивного механизма воздействующего потенциала вербальной угрозы, что позволяет с когнитивных позиций осмыслить целенаправленную реализацию политиками предвыборных менасивов с учетом языковых средств их поверхностной репрезентации, содержательного объема и прагма-эмоционального воздействия на избирателей. Необходимость нового интегративного подхода к анализу предвыборных менасивов определяется активным интересом представителей различных областей научного знания к феномену вербальной угрозы, а также становлением идей ком-

муникативного конструктивизма в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике, позволяющего привлечь комплекс междисциплинарных понятий для разработки коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и решения вопроса о функционировании его вербальных разновидностей в виде дискурсивных менасивных практик в английском языке.

Объектом предлагаемого исследования является политическая коммуникация кандидатов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы, а в качестве **предмета** исследования выступает коммуникативный конструкт предвыборной угрозы и его вербальные разновидности в виде дискурсивных менасивных практик как воздействующий ресурс в условиях англоязычного публично-информационного пространства политической коммуникации.

Цель исследования заключается в разработке функциональной модели коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и описании лингвокогнитивного механизма её реализации в пространстве англоязычной политической коммуникации. Цель работы обусловила постановку и решение целого ряда **задач**:

– *проанализировать* и *обобщить* состояние данной научной проблемы в области общего и частного языкознания, *составить* и *обосновать* терминологический аппарат исследования, *предложив* пути анализа когнитивно-дискурсивной специфики предвыборных менасивов;

– *очертить* содержательный объем лексико-тематического пространства угрозы в английском языке, заложенный в языковом сознании носителя языка в виде совокупности константных признаков и сем;

– *определить* коммуникативный статус предвыборных менасивов в системе регулятивных проявлений политических субъектов и *описать* функциональные условия их реализации в агональной коммуникации;

– *проанализировать* предвыборные менасивы как самостоятельный синтаксический факт, обладающий специфическим набором строевых, семантических и прагматических характеристик;

– *систематизировать* формальные способы поверхностной манифестации предвыборных менасивов в архиве регулятивных средств английского языка, *построив* их инвариантную формулу и её возможные варианты развертывания в условиях американского политического дискурса, а также *исследовав* особенности функционально-семантической (прагматической) транспозиции менасивов;

– *предложить* функционально-семантическую типологию предвыборных менасивов, *показав* их содержательную и прагматическую специфику;

– *выбрать* адекватный когнитивный инструмент, позволяющий систематизировать представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы и описать механизм функционирования предвыборных менасивов в условиях публично-информационного пространства политической коммуникации;

– *разработать* инвариантный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы на основе семантических признаков и свойств вербальной угрозы, установленных в лексикографических источниках английского языка;

– *дифференцировать* воздействующий потенциал менасивов, а также *выяснить* показатель “глубины” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на массового адресата на основе разработанной шкалы коммуникативного конструкта предвыборной угрозы;

– *выявить* глобальную стратегию менасивного воздействия политика на массового адресата, используя коммуникативный конструкт предвыборной угрозы как

когнитивный инструмент, а также *структурировать* формирующие ее менасивные стратегии и тактики в агональной дискурсии кандидатов на пост Президента США;

– *описать* вербальную специфику тактико-стратегического функционирования англоязычных предвыборных менасивов как агитационно-воздействующего ресурса в условиях агональной дискурсии, а также *предложить* индекс менасивности публичных выступлений политиков;

– *установить* стратегический репертуар менасивных тактик в вербальном поведении политических деятелей, который является эффективным средством для формирования предпочтения тематического контента избирателями в условиях публично-информационного пространства агональной дискурсии.

Научная новизна предложенного исследования заключается в постановке и конкретном решении ранее неизученной проблемы, связанной с лингвистическим отображением феномена вербальной угрозы в ментальном пространстве носителей английского языка и описанием механизма оперирования этим феноменом участниками американской предвыборной дискурсии. Впервые в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и коммуникативного конструктивизма осуществлена попытка определить лимнологические параметры коммуникативно-социального менасивного пространства, упорядочить представления носителей английского языка о прагма-эмоциональном воздействии предвыборных практик-угроз и описать лингвокогнитивную основу вербального поведения политических субъектов, целенаправленно использующих такие практики. Также научная новизна определяется особым комплексным подходом к анализу предвыборных менасивов с привлечением не только собственно лингвистических, но и целого ряда таких междисциплинарных понятий, как «конструкт», «эмоциональное состояние», «аффицированное состояние», «модальность» и «диспозиция».

Новаторским является исследовательское решение, на основании которого выделен и разработан особый когнитивный (смысловой) инструмент для структурирования, упорядочения и осмысления прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов на личностное Я-избирателя – *коммуникативный конструкт предвыборной угрозы* (также: *коммуникативный менасивный конструкт предвыборного дискурса*). Воплощен новый подход к описанию функционально-семантической специфики менасивных высказываний, в основе которого лежит соотношение между содержательными характеристиками вербальной угрозы и эмоциональными переживаниями участников типового фрейма предвыборной угрозы. Кроме того, впервые в научной практике лингвистического описания предложено решение проблемы тактико-стратегического использования англоязычных менасивов в вербальном поведении политиков, а также разработан инструментарий, позволяющий определить “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия предвыборных высказываний-угроз на массового адресата.

В работе представлен актуальный эмпирический материал для описания специфики функционирования предвыборных менасивов в политической коммуникации США, а также впервые в вербальном поведении политиков зафиксированы характерные для американской агональной дискурсии разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в виде менасивных высказываний и осуществлен комплексный анализ их манифестационных, семантических и коммуникативно-функциональных свойств. Впервые в когнитивной и функциональной лингвистике предложен оригинальный принцип, позволяющий вычислить индекс менасивности публичного выступления политика, использующего определенную со-

вокупность предвыборных высказываний-угроз. Введены такие понятия как «инклюзивный механизм вербальной угрозы», «адресатная разновидность высказываний-угроз», «менасивная тактика», «менасивный удар» и «менасивная атака». В целом исследование открывает новые области научного пространства, в число которых входит проблема структурированности смысловой реальности агональной дискурсии как совокупности речевых практик и проблема стратегического функционирования менасивов в этой реальности, что позволяет использовать предложенный в работе коммуникативный конструкт предвыборной угрозы для отражения специфики форм вербального поведения говорящего субъекта в англоязычном политическом дискурсе.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предложена модель изучения специфики функционирования англоязычных предвыборных менасивов в условиях политической коммуникации. Проведенное исследование существенно развивает методологию когнитивно-дискурсивного подхода и представляет собой вклад в развитие идей германского языкознания и коммуникативного конструктивизма, предлагая оригинальный смысловой инструментарий для постановки и решения вопроса о лингвокогнитивной специфике предвыборных практик-менасивов как формы вербально-социального поведения политических деятелей и систематизации языковых структур, участвующих в формировании воздействующего потенциала таких практик. Теоретически значимым является построение и описание когнитивного феномена – коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, позволяющего отобразить границы менасивного пространства американской агональной дискурсии, а также определить “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия предвыборных менасивов на массового адресата и изучить тактико-стратегическое использование таких высказываний претендентами на пост Президента США. Детальное описание лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе оперирования феноменом вербальной угрозы носителями английского языка, является дополнением научного знания о вербальном поведении языковой личности и обладает теоретической значимостью для когнитивной лингвистики, антропоцентрической лингвистики и социолингвистики.

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования также заключается в когнитивно-дискурсивном подходе к решению проблемы тактико-стратегического использования предвыборных менасивов в политической коммуникации и новом взгляде на изучение их функционально-семантической специфики. Значимым в теоретическом плане является описание интегральной связи между менасивами и формируемыми при их помощи эмоциональными переживаниями адресата. Полученные результаты предлагаемого исследования развивают теорию речевого воздействия и речевой деятельности, вносят определенный вклад в построение семантической теории естественного языка и позволяют углубить представление о дискурсивной специфике англоязычных предвыборных менасивов.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его основных положений, выводов и разработанного лингвистического инструментария в виде коммуникативного конструкта предвыборной угрозы для решения широкого круга задач, связанных с изучением форм вербального поведения политических деятелей, которые целенаправленно используют в публично-информационном пространстве высказывания-угрозы, а также для прогнозирования прагма-эмоционального воздействия на избирателей публичных выступлений политиков, содержащих в своей структуре предвыборные менасивы. Разработанный

и апробированный в ходе исследования коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может использоваться в исследованиях по проблемам германского языкознания, политической лингвистики, когнитивной лингвистики, социо- и психолингвистики.

Полученные результаты представляют определенную ценность для разработки семантико-прагматических свойств высказываний менасивной коммуникативно-интенциональной направленности на материалах других предвыборных кампаний, отдельных публичных выступлений кандидатов или политических изданий. Кроме того, использованные в ходе исследования материалы и полученные экспериментальным путем данные могут послужить основой для дальнейшего изучения особенностей функционирования дискурсивных практик-угроз в вербальном поведении носителей английского языка. Значимой является возможность применения предложенного лингвистического инструментария и методик анализа языкового материала при изучении прагма-эмоционального воздействия высказываний различных интенциональных типов, а установленное лингвокогнитивное соотношение между предвыборными менасивами и формируемыми при их помощи диспозициями эмоционального состояния *Я*-избирателя и *Я*-политика может быть использовано в работах, посвященных проблемам функциональной лингвистики, социолингвистики и психосемантики воздействующего дискурса.

Теоретические результаты и методики анализа предвыборных менасивных практик могут быть востребованы специалистами по связям с общественностью, политиками и имиджмейкерами в области профессиональной коммуникации, медийных информационных технологий, а также в различных сферах деятельности, требующих описания тактико-стратегического функционирования менасивов. Результаты исследования могут быть применены при подготовке специалистов различных профилей, связанных с массовой коммуникацией, политконсалтингом и политтехнологиями в плане повышения коммуникативной компетенции и оптимизации воздействующей функции речи, а также в курсах «Лексикология», «Семантика и прагматика дискурса», «Медиалингвистика» и спецкурсах «Политическая лингвистика», «Политическая семасиология», «Политическое консультирование».

Методология и методы диссертационного исследования. Методологическим основанием исследования явился деятельностно-регулятивный подход к анализу речевых (диалогических) единств, разработанный в Тверской научной школе «Динамическая модель регулятивной коммуникации», в основе которого лежит регулятивная (лингвопрагматическая) модель диалогического общения, теория регулятивной деятельности и ее единиц – регулятивных конструктов (регулятивов), предложенная профессором А.А. Романовым (1982; 1988; 2005; 2020). В качестве основного теоретико-методологического посыла выступает деятельностное понимание коммуникации, обусловившее применение синтеза когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов, использование инструментария теории речевой деятельности, теории речевых актов, психосемантики, суггестивной лингвистики и применение метода когнитивного конструирования. Избранный в работе когнитивно-дискурсивный подход коррелирует с принципом антропоцентризма и основными теоретическими положениями коммуникативного конструктивизма, согласно которым в фокусе лингвистического анализа находится языковая личность как субъект речевой деятельности и как когнитивный агент языкового сознания в типовых сценариях его жизнедеятельности. Отправной посылкой исследования является представление предвыборных практик-угроз как

инвариантного менасивного конструкта, маркированного определенным набором языковых средств и отражающего прагма-эмоциональное воздействие высказываний-угроз на массового адресата в агональном политическом пространстве.

Поставленные задачи и характер объекта исследования определили применение целого комплекса следующих исследовательских приемов и *методов*. Основным общенаучным методом является гипотетико-дедуктивный метод. Для поиска и отбора материала исследования используется метод сплошной выборки. Описание семантических компонентов, формирующих содержательный объем угрозы, основано на дефиниционном анализе вербальных репрезентантов угрозы в английском языке. Выявление дифференциальных признаков менасивов и установление их места в системе различных прагматических типов высказываний потребовало применения методов оппозитивного и сопоставительного анализа, а при эксплицировании семантической структуры высказываний-угроз был задействован понятийный аппарат семантического синтаксиса. При рассмотрении коммуникативно-функциональных свойств предвыборных менасивов учитывается прагматическая ситуация и словесный контекст, воплощенный в анализ пресуппозиционных факторов, а также используется метод прагматического анализа (прагматической интерпретации). Для описания содержательной и функциональной специфики менасивов применены метод фреймового моделирования речевого общения, метод когнитивного картирования содержания предвыборных выступлений кандидатов-политиков, элементы методов контент- и интен-анализа. Также в работе нашел применение квантитативный метод, позволивший установить частотность языковых явлений.

В качестве **рабочей гипотезы** предлагаемого исследования выдвигается предположение о том, что в основе функционирования предвыборных менасивов в условиях публично-информационного пространства политической коммуникации лежит представление носителя языка как когнитивного агента о содержательном объеме вербальной угрозы и её коммуникативно-интенциональном предназначении. В публичных выступлениях участники агональной дискурсии реализуют менасивы как эффективное агитационно-воздействующее средство, которое способствует формированию эмоциональных переживаний избирателей в лимнологическом пространстве коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, привлекая внимание электората к кандидатуре политика и возможности наступления негативных последствий в случае предпочтения иного кандидата.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей в области *когнитивной лингвистики* (Г.И. Богин, Н.Н. Болдырев, И. Гоффман, В.С. Григорьева, В.З. Демьянков, О.К. Ирисханова, Е.С. Кубрякова, Ж. Лакан, М. Минский, У. Найсер, Ж. Пиаже, К.Ф. Седов, Г.Г. Слышкин, Р. Солсо, Ч. Филлмор, У. Чейф), *прагмалингвистики и теории речевых актов* (Дж.Л. Остин, Дж. Р. Сёрль, Н.Д. Арутюнова, А.Н. Баранов, В.В. Богданов, З. Вендлер, Г.Г. Почепцов (мл.), И.П. Сусов, В. Fraser, G.Klaus, G.Leech, G.M. Sadock, D. Wunderlich), *функционально-семантической классификации высказываний* (Ю.Д. Апресян, М.М. Бахтин, А. Вежбицка, В.Н. Волошинов, Е.В. Падучева, Ю. Хабермас, К. Bach, R. Harnisch, J.J. Katz, W. Kummer, A. Munro, J. Rehbein, P.F. Strawson, J.O. Urmson), *теории коммуникации и дискурса* (Р. Барт, Э. Бенвенист, П. Бергман, П. Бурдьё, В.А. Буряковская, Т. Ван Дейк, П. Вацлавик, Л. Витгенштейн, Ж. Деррида, Дж. Динсмор, С.В. Иванова, В.И. Карасик, М. Кастельс, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, О.А. Леонтович, А.А. Леонтьев, Н. Луман, М.Л. Макаров, У. Матурана, О.Г. Почепцов, А.А. Романов, П. Серио, Ю.А. Сорокин, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, М. Фуко,

D. Gordon, R. Harre, D. Hymes, G. Lakoff), *общего и германского языкознания* (И.В. Арнольд, О.Б. Ахманова, В.В. Бурлакова, И.Р. Гальперин, И.П. Иванова, Дж.Д. МакКоли, О.И. Москальская, Г.Г. Почепцов, И.П. Сусов, Д. Фивегер, З.З. Чаньшева, Л.П. Чахоян, G. Helbig, W. Motsch, B. Schlieben-Lange, J. R. Thorne, R. Wagner, H. Weinrich), *коммуникативно-прагматического конструктивизма* (К.Дж. Герген / Джерджен, И.Т. Касавин, Дж. Келли, Дж. Комбс, В.Ф. Петренко, А.А. Романов, Л.А. Романова, А.М. Улановский, Дж. Фридман, Л. Хьелл, Р. Bergman, E. Gendlin, G. Glasersfeld, J. Habermas, Ch. Wulf).

На защиту выносятся следующие положения:

1. Предвыборный политический менасив являет собой интегративно-амальгамированный феномен, который отражает в языковом сознании носителя английского языка фреймированную совокупность константных семантических признаков и свойств лимнологического объёма контрарных параметров, задающих для адресата двунаправленный вектор выбора их директивной направленности – принимать или избегать прогностическое проявление возможных дезруптивных последствий.

2. Лимнологическая семантика вербального менасива обладает гиперонимическим свойством инклюзивности, формирующим конфигурационную основу функционально-семантического представления о типовой коммуникативной ситуации угрозы или ФСП-угрозы. В качестве единицы такой ситуации выступает *менасивно-каузативный акт* или *акт менасивной каузации*, который порождает коммуникативный конструкт угрозы в процессе политической интеракции её участников. В англоязычном политическом пространстве предвыборной коммуникации акты менасивной каузации представлены конкретными дискурсивными практиками со значением угрозы, маркированными определенным набором языковых средств.

3. Коммуникативный конструкт угрозы как дихотомическая инвариантная конфигурация, вербально конгруированная со структурами сознания в ментальном пространстве человека говорящего (*homo loquens*) и когнитивного агента, является наиболее адекватным ментальным (смысловым) инструментом, который используется участниками акта менасивной каузации для представления и описания типовых фрагментов знания носителей английского языка о лимнологической семантике вербальной угрозы. Лингвокогнитивная корреляция (связь) между конкретным предвыборным актом менасивной каузации и эмоциональным состоянием адресата угрозы как объекта направленного воздействия находит своё отражение в диспозициях модальностей *Я-политика* и *Я-избирателя*.

4. Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть представлен в виде комплексного ментального образования, ядром которого является векторная градуированная ось, направленная от контрарной точки комфорта (К) к контрарной точке дискомфорта (Д) с размещением на такой оси семантических маркеров диспозиций *Я-модальностей политика* и *избирателя*. Элементы коммуникативного конструкта предвыборной угрозы распределены на оси по принципу усиления интенсивности эмоциональных переживаний участников акта менасивной каузации от точки (К) к точке (Д). Совокупность возможных диспозиций эмоционального состояния *Я-политика* и *Я-избирателя* формирует функционально-семантическое пространство предвыборных менасивных регулятивов политика.

5. В плане поверхностной манифестации реализация коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в английском языке осуществляется в виде: а) *основных* форм менасивов, соответствующих инвариантной формуле и способных отражать условно-следственную (причинно-следственную) связь между возможным

санкционным воздействием и условием (причиной) его наступления; б) *транспонированных* форм менасивов, в которых значение угрозы является результатом прагматической транспозиции и наслаивается на основное значение высказывания в результате его особого использования в условиях политической коммуникации; в) *имплицитных* форм менасивов, в которых значение угрозы выражено косвенным (имплицитным) путем, а функционирование таких высказываний в качестве менасивных обусловлено наличием пресуппозиционного фактора, обеспечивающего их однозначную интерпретацию как высказываний-угроз.

6. Предвыборные менасивы представлены в вербальном поведении американских политиков разновидностями угроз-обещаний, угроз-призывов, угроз-декларативов, угроз-предупреждений, угроз-обвинений и угроз-констативов. Функционально-семантические особенности выделенных менасивных разновидностей используются в качестве критериев для макросегментации диспозиций Я-политика и Я-избирателя на векторной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. В функциональном плане предвыборные менасивы опираются на конверсный характер политической интеракции и являются триггером механизма, призванного изменять диспозиции Я-избирателя в направлении дискомфорта (точка Д) с целью его каузации проголосовать за политика. Также предвыборные менасивы являются маркером диспозиции Я-политика.

7. Предвыборная реализация практик-угроз осуществляется с учетом глобальной стратегии менасивного воздействия, которая маркируется различными средствами английского языка. Глобальная стратегия менасивного воздействия включает в себя базовую и дополнительные стратегии. Прагматическая специфика базовой менасивной стратегии проявляется в последовательном (целенаправленном) использовании политиками функционально-семантических разновидностей менасивов и может быть отображена на градуированной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Реализация базовой стратегии опирается на менасивные тактики, используемые для а) *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия, б) *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей и в) формирования *точечных "ударов"* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей. К числу дополнительных менасивных стратегий относятся стратегия композиционного распределения предвыборных высказываний-угроз и стратегия их количественного воздействия.

8. В процессе предвыборной коммуникации претенденты на важный политический пост реализуют в своем вербальном поведении стратегический репертуар менасивных тактик (МТ) с целью запланированного прагма-эмоционального воздействия на электорат. Для американского предвыборного дискурса 2016 года эффективным средством политической борьбы является глобальная менасивная стратегия, в основе которой заложено формирование кандидатом МТ *точечных "ударов"* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей с применением тактик дополнительных стратегий, а именно: МТ *количественного* воздействия и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз. В условиях американской предвыборной коммуникации 2020 года прагматически эффективным является сочетание МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, МТ *количественного* воздействия и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз.

9. Менасивные тактики базовой стратегии характеризуются различной “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия (MT_{int}) на англоязычных избирателей. Показатель MT_{int} публичного выступления политика вычисляется на основе суммирования числовых показателей (отрицательных и положительных), соотносимых с диспозициями Я-избирателя на градуированной шкале коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Данный показатель не обусловлен прямой зависимостью от использованного политиком количества вербальных менасивов.

Интенсивность прагма-эмоционального воздействия предвыборных практик-угроз также отражена в “индексе менасивности” (iM), который определяется количеством слов в предвыборном выступлении политика, деленным на количество слов, с помощью которых маркируются высказывания-угрозы в его выступлении. Индекс менасивности публичного выступления политика находится в обратно пропорциональной зависимости от количества слов английского языка, использованных кандидатом для репрезентации высказываний-угроз, и не зависит от количества менасивов в вербальном поведении политика и их функционально-семантических характеристик.

10. Показатели MT_{int} и iM могут использоваться для обозначения интенсивности прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивов американского агонального дискурса на определенном этапе предвыборной кампании. Приведенные показатели служат критериальной оценкой эффективности реализации предвыборных менасивов как агитационно-воздействующего ресурса политической коммуникации, что находит свое выражение в следующих закономерностях: а) чем выше показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия, тем интенсивнее оказывается воздействие политика на избирателей при помощи предвыборных менасивов; б) чем выше индекс менасивности предвыборного дискурса, тем меньшее количество слов необходимо для поверхностной манифестации высказываний-угроз в английском языке.

Высокая **степень достоверности** результатов исследования обеспечивается основательной теоретико-методологической базой, объемом эмпирического материала англоязычных предвыборных менасивов в количестве 6076 единиц, полученных методом сплошной выборки из публичных выступлений претендентов на пост Президента США в период с 2015 по 2020 годы, а также комплексным применением различных методов исследования.

Апробация результатов работы осуществлялась в разных формах. Результаты исследования прошли апробацию на заседаниях межвузовского теоретического семинара кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета в 2014-2021 годах, в докладах, семинарах, форумах, коллоквиумах, круглых столах и выступлениях на конференциях различного уровня, в том числе на 51 международной («Медиалингвистика: речевая коммуникация в средствах массовой информации», г. Санкт-Петербург, 2013; 2014; «Дискурсология: язык, культура, общество», Украина, г. Луганск, 2013; 2014; «Межкультурные коммуникации: современные языковые парадигмы», Украина, г. Алушта, 2013; «Языковой дискурс в социальной практике», г. Тверь, 2013, 2018; 2019; 2020; «Когнитивные исследования на современном этапе», г. Ростов-на-Дону, 2013; «Язык и мир», Украина, г. Ялта, 2013, Россия, г. Ялта, 2015; «Континуальность и дискретность в языке и речи», г. Краснодар, 2013; «Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин», г. Белгород, 2013; «Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации»,

г. Майкоп, 2013; «Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе», г. Орел, 2013; «Русистика XXI века: направления, идеи, проблемы», Украина, г. Донецк, 2013; «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов», г. Санкт-Петербург, 2013; «Слово в контексте времени», Беларусь, г. Минск, 2014; «Актуальные вопросы подготовки специалистов в сфере связей с общественностью и рекламы», Беларусь, г. Минск, 2014; «Медиа в современном мире. Петербургские чтения», г. Санкт-Петербург, 2014; 2016; «Межкультурные коммуникации: лингвистические реалии», г. Алушта, 2014; «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения», г. Санкт-Петербург, 2014; «Академический дискурс и дискурсный подход в преподавании иностранных языков», Беларусь, Минск, 2015; «Globe East – West European forum on discourse. Past, present and future of discourse studies», Poland, Warsaw, 2015; «Универсальное и национальное в языковой картине мира», Беларусь, г. Минск, 2015; «Межкультурные коммуникации: научные школы и современные направления лингвистических исследований», г. Симферополь, 2016; «Язык в различных сферах коммуникации», г. Чита, 2016; «Лингвистические и культурологические традиции и инновации», г. Томск, 2016; 2017; «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования», г. Белгород, 2016; 2018; «Теория речевой деятельности: вызовы современности», г. Москва, 2016; 2019; «Жизнь языка в культуре и социуме», г. Москва, 2017; 2021; «Журналистика. Словесность. Культура», Беларусь, г. Брест, 2017; «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы», г. Казань, 2018; «Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве», г. Саратов, 2018; «Русская грамматика: активные процессы в языке и речи», г. Ярославль, 2019; «Настоящее и будущее стилистики», г. Москва, 2019; «Научные приоритеты в АПК: инновации, проблемы, перспективы развития», г. Тверь, 2019; «Дискурсология и медиакритика средств массовой информации», г. Белгород, 2019; 2021; «Știință, Educație, Cultură», Молдова, г. Комрат, 2020; «Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени», г. Тверь, 2020; «National Interest, National Identity and National Security», United Kingdom, London, 2020; «Человек и язык в коммуникативном пространстве», Красноярск, 2020; «Man. Society. Communication», United Kingdom, London, 2020; «Инновационные технологии в АПК: проблемы и перспективы», г. Тверь, 2021), на 8 всероссийских («Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов», г. Томск, 2013; «Культура как текст», г. Смоленск, 2014; «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка», г. Воронеж, 2016; «Русский язык и литература в мультикультурном пространстве», г. Комсомольск-на-Амуре, 2017; «Жизнь языка в культуре и социуме», г. Москва, 2018; «Общество. Образование. Диалог культур», г. Набережные Челны, 2019; «Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия», г. Ростов-на-Дону, 2020; «Лингвистическая лимнология», г. Москва, 2021), 2 национальных («Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов», г. Тверь, 2019; 2021). Результаты работы регулярно (с 2015 по 2021 гг.) обсуждались на заседаниях межвузовского теоретического семинара «Языковое пространство личности в социальной коммуникации» при кафедре теории языка и межкультурной коммуникации Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций Тверской государственной сельскохозяйственной академии.

Основные результаты исследования отражены в 86 публикациях общим объемом 87,35 п.л., в число которых входят 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, 5 статей в международных индексируемых изданиях, включенных в наукометрические базы данных Scopus и Web of Science, 5 монографий, 60 статей в сборниках научных трудов и материалах научных конференций, 1 учебное пособие. Объем личного вклада автора составляет 70,26 п.л. Результаты диссертационного исследования внедрены в ряд спецкурсов и курсов «Общая теория дискурса», «Основы теории коммуникации», «Технологические приемы лингвистической экспертизы», «Введение в языкознание», «Профессиональный иностранный язык (английский)», «Культура речи и деловое общение».

Структура и объем диссертации определяется поставленными задачами и логикой развития основной темы исследования. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, списка лексикографических источников, списка иллюстративного материала, списка сокращений и условных обозначений, а также приложения. Библиографический список научной литературы включает 485 источников на русском, английском и немецком языках. Текст работы снабжен 28 схемами и 17 таблицами.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, устанавливается актуальность работы, определяются цель и задачи исследования, обосновывается научная новизна, дается характеристика методов и материала исследования, указывается теоретическая и практическая значимость работы, раскрываются основные понятия исследовательского инструментария, приводятся положения, выносимые на защиту, а также данные об их апробации и внедрении, описывается структура диссертации.

В **первой главе** «Феномен угрозы в гуманитарном дискурсе: основные подходы, понятия и предпосылки исследований» проведен подробный анализ состояния проблемы и описаны подходы к изучению феномена вербальной угрозы как объекта междисциплинарных и лингвистических исследований, представлены теоретические предпосылки для изучения коммуникативно-интенциональной специфики предвыборных менасивов, а также обозначена необходимость осмысления лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования таких высказываний в вербальном поведении политических деятелей.

Проведенный анализ литературы демонстрирует повышенный интерес представителей гуманитарной науки к понятию угрозы в широком междисциплинарном контексте – философском, психологическом, социологическом, политическом, правовом и лингвистическом. Многочисленные исследования, посвященные изучению этого понятия, предлагают разнообразные подходы к его толкованию, в число которых входит понимание угрозы как *сопутствующего атрибута существования государства* (Аристотель, 1983; Платон, 1986; Тертуллиан, 1994; Цицерон, 1962), *причины возникновения отрицательных эмоциональных состояний тревоги, аффекта, страха или опасения* (Делюмо, 2009; Изард, 1999; Кьеркегор, 1998; Свендсен, 2010; Уайтхед, 1990; Фрейд, 1989; Gray, McNaughton, 2000), *вида психического насилия и преступления* (Джинджолия, 2004; Крашенинников, 2002; Greenawalt, 1989; Shuy, 1996; Yamanaka, 1995), *средства в переговорном процессе* (Щепаньский, 1969; Schelling, 1980), *инструмента влияния в социально-политической жизни* (Локк, 1988; Смирнова, 2016; Boulding, 1963; Cohen, 1979). Однако при

всем многообразии трактовок феномен угрозы не имеет общепризнанного определения в современном научном дискурсе, а ученым не удалось систематизировать его смыслообразующие признаки.

На фоне разрозненных представлений о содержательном объеме феномена угрозы представители научного сообщества признают его коммуникативную природу и регулярно обращают внимание на вербальное проявление угрозы в виде отдельных высказываний для решения конкретных задач говорящего в пространстве политических отношений (Локк, 1988; Hobbes, 1839). Тем не менее, признавая вербальную угрозу важным регулятором общественно-политической жизни, ученые не предпринимают попыток описать механизм ее функционирования, а также выяснить, где находится грань между угрозой, запугивающей представителей общности и ведущей к конфликту, и угрозой, которая консолидирует общество для решения совместных задач. Более того, оперируя феноменом вербальной угрозы, исследователям не удалось составить четкое представление о соотношении между реализацией конкретного менасивного высказывания и эмоциональным состоянием, которое оно формирует у адресата.

Анализ основных подходов к изучению феномена вербальной угрозы как объекта лингвистических исследований показывает, что состояние проблемы характеризуют продолжающиеся споры по поводу коммуникативно-интенционального статуса менасивов и их содержательного объема (Богданов, 1990; Вежбицка, 1985; Вендлер, 1985; Почепцов, 1981; Austin, 1961; 1979; Fraser, 1998; Goddard, Wierzbicka, 2014; Habermas, 1971; Rehbein, 1977; Sadock, 1974; Searle, 1971; 1975; 1976; Verhagen, 1996; Wunderlich, 1976). Несмотря на то, что коммуникативно-интенциональный тип высказываний со значением угрозы регулярно становится объектом лингвистических исследований, угроза включается в таксономии высказываний и рассматривается в качестве функционально-прагматической единицы общения, представителям германского языкознания не удалось систематизировать представления носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, очертить содержательный объем этого феномена и прийти к единому мнению относительно лингвистических параметров типовой коммуникативной ситуации угрозы.

И хотя в работах отечественных и зарубежных лингвистов проанализированы формальные средства выражения менасивного значения в англоязычном политическом дискурсе, а также установлено, что коммуникативное намерение угрозы может выражаться в английском языке повествовательными, побудительными и вопросительными синтаксическими конструкциями, ученым не удалось построить единую модель функционального класса предвыборных менасивов. Указанный класс языковых выражений не получил комплексного описания как система функциональных синонимов, не были изучены основные и вторичные формы предвыборных менасивов, являющиеся результатом прагматической транспозиции (о транспозиции см.: Романов, 1982; 1988; 2020), а также остаются неразработанными функциональные условия эффективного использования предвыборных практик-угроз в публичных речах политиков. Выяснилось, что неизученность семантических свойств высказываний-угроз явилась причиной того, что не был решен вопрос о прагматической эффективности реализации предвыборных менасивов в политическом дискурсе. В этой связи вне поля зрения ученых оказывается описание специфики тактико-стратегического функционирования англоязычных менасивов в вербальном поведении политиков, а лингвисты не предпринимают попыток изучить интенсивность воздействия предвыборных менасивов и дифференцировать их воз-

действующий потенциал.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что на фоне “дискурсивного поворота” в лингвистике до настоящего времени не поднималась проблема описания лингвокогнитивного механизма, лежащего в основе функционирования предвыборных менасивов в социально-политическом взаимодействии, а также не изучалась роль вербальной угрозы как системы знаковых средств интерактивного взаимодействия в конструировании новых социально-коммуникативных отношений в дискурсивном пространстве политической коммуникации. В частности, не поднимался вопрос о том, каким образом языковая личность интерпретирует и оценивает предвыборные менасивы. Более того, ученые не задавались вопросом о том, с помощью какого когнитивного (смыслового) инструмента возможно исследовать и систематизировать эмоциональное воздействие, которое вербальная угроза как регулятивное менасивное действие политика оказывает на избирателей.

Таким образом, многочисленные попытки описать вербальную угрозу в широком междисциплинарном контексте не позволили предложить интегративный подход для осознания угрозы как коммуникативного феномена и описания механизма ее функционирования в социально-политическом взаимодействии. Проведенный анализ существующих направлений и подходов к феномену вербальной угрозы в различных научных парадигмах демонстрирует необходимость разработки методологического инструментария, позволяющего в когнитивном плане осмыслить вербальные проявления угрозы в виде целенаправленно реализуемых менасивов в политической коммуникации, принимая во внимание языковые средства их поверхностной репрезентации и функционально-семантические свойства. На необходимость выбора нового подхода указывает и то обстоятельство, что в современной лингвистике отчетливо обозначилась тенденция, согласно которой описание вербально-социального поведения участников политического дискурса предполагает не только изучение интенциональных типов высказываний и средств их поверхностной репрезентации, но и решение методологических проблем «другого – чужого сознания» (Дубровский, 2007), обозначенных еще в работах представителей философии языка – Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Дж. Мура, Дж. Остина, У. Куайна – и получивших свое дальнейшее развитие при изучении особенностей функционирования языковых конструкций, которые характеризуют формы вербального поведения *Я* индивида (Романов, 2002; 2016; Романов, Романова, 2009).

Очевидно, что изучение лингвокогнитивной специфики предвыборных высказываний-угроз требует конвергентных исследовательских приемов и обуславливает необходимость деятельностного подхода к анализу языкового материала, позволяющего осуществить интегративный синтез когнитивного и коммуникативного (когнитивно-дискурсивного) подходов. Интегративный подход к описанию вербального поведения политика, использующего предвыборные менасивы в процессе регулятивной деятельности, позволит вскрыть механизм проявления феномена вербальной угрозы в политическом дискурсе, на основе которого происходит оперирование угрозой участниками такого дискурса, а также предложить когнитивный (смысловой) инструмент для толкования таких высказываний как угроз и оценки их интенсивности воздействия на адресата. Поэтому перспективно обратить внимание на менасивы с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике и рассмотреть их как вербальные разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. И первым шагом в этом направлении является систематизация представлений носителей английского языка о феномене вербальной угрозы.

Во **второй главе** «Лексико-семантические предпосылки формирования коммуникативного статуса угрозы в английском языке» описывается содержательный объем вербальной угрозы и ее семантическая специфика, заложенная в ментальном пространстве носителя языка в виде совокупности контрарных признаков и сем, формируется комплексная структура лексико-тематического пространства угрозы в английском языке.

В рамках предлагаемого исследования были выявлены и сгруппированы лексикографические дефиниции английского языка американского и британского вариантов, которые отражают содержательно-функциональную сущность лексико-тематического пространства угрозы, а также проведен их дефиниционный анализ. Анализ словарных дефиниций показывает, что фреймообразующим (вершинообразующим) глаголом лексико-тематического пространства угрозы в английском языке является лексема-маркер «*threaten*». На основе лексикографических описаний удалось выяснить, что глагол «*threaten*» представляет собой семантически “объемную” лексему.

Зафиксированные в словарях дефиниции глагола «*threaten*» явились основанием для выявления в структуре его значения интегративного компонента «наступление негативных последствий», который включает в свой содержательный объем 4 базовых семы (S_{bas}): «совершение чего-либо неприятного», «совершение чего-либо плохого», «причинение боли, вреда или беспокойства» и «осуществление наказания», а также 2 периферийные семы (S_{per}): «источник возможной опасности» и «разрушение чего-либо». Анализ также показывает, что глагол «*threaten*» характеризуется такими семантическими признаками, как реляционность, акциональность, целенаправленность, побудительность (каузативность), локутивность и менасивность. Обозначенные семантические признаки в своей совокупности участвуют в формировании побудительного значения глагола «*threaten*». При этом признак менасивности, раскрывающий способ воздействия на объект при вербальной каузации, выступает дифференциальным признаком, который отличает глагол «*threaten*» от других английских глаголов речевой деятельности, обладающих побудительным значением. Доказано, что специфика побудительного значения глагола «*threaten*» основана на признаке менасивности, который имеет прочтение: «*кто-то сообщает кому-либо о своем намерении совершить негативное или санкционное действие с целью побудить объект выполнить каузируемое действие*».

В ходе дефиниционного анализа удалось расширить трактовку содержательного объема глагола «*threaten*» свойствами, конкретизирующими признак менасивности. Были выявлены следующие свойства: 1) «затронутость эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации», 2) «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации», 3) «причинно-следственная (условно-следственная) связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной (условием) его совершения» 4) «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации», 5) «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» и 6) «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации».

Изучение семантической специфики глагола «*threaten*» позволило понять, что в его содержательном объеме интегративно-амальгамно сочетаются элементы *контрарного плана*, которые задают диапазон функционально-семантического (прагматического) пространства угрозы в английском языке: интегративный компонент «наступление негативных последствий», охватывающий различные спо-

собы санкционного воздействия на объект каузации и формирующий **интенсивный** (содержательный) потенциал глагола (S_{int}), а также семантические свойства менасивности, которые содержат указание на возможность объекта избежать негативных последствий при условии выполнения каузируемых действий и формируют **дистенсивный** (от лат. *distension* – «растяжение») потенциал глагола (M_{dist}). Становится понятным, что функционально-семантическая сущность глагола «*threaten*» заключается в побудительном значении, которое обусловлено возможностью наступления негативных последствий для объекта в случае его отказа от выполнения каузируемого действия.

Итогом семантического описания является то, что глагол «*threaten*» в реляционном плане, в терминологии И.П. Сусова, структурно отражает «ситуацию коммуникации» (Блакар, 1987: 93) и задает основу для типовой коммуникативной ситуации угрозы, в которой есть отправитель (субъект каузации, говорящий, адресант) и получатель (объект каузации, слушающий, адресат) сообщения, а также желание (намерение) говорящего передать сообщение адресату. В качестве единицы такой коммуникативной ситуации выступает **менасивно-каузативный акт** или **акт менасивной каузации** в виде конкретного высказывания-угрозы, реализованного в определенных условиях социальной интеракции и маркированного некоторым набором языковых средств.

Обращение к лексикографическим источникам английского языка позволило сформировать синонимический ряд вербальных репрезентантов угрозы из 58 глаголов (включая глагол «*threaten*») и провести их дефиниционный анализ. Были выделены 4 зоны лексико-тематического пространства угрозы – ядерная, околоядерная, периферийная и дальняя периферийная. Также установлено место (позиция) каждого вербального репрезентанта угрозы в этом пространстве. Для решения этой задачи предложена формальная запись содержательного объема глагола: $VERB^N: NS_{int} (NS_{bas} + NS_{per}) + NM_{dist}$ (позиция « N » замещается числовым показателем), которая отражает интенсивный и дистенсивный потенциал глагола в виде числовых показателей (N), полученных на основе подсчета количества компонентов интенсивного (S_{int}) и дистенсивного потенциала (M_{dist}) в структуре значений глагола, например: $WARN^1: 5S_{int} (5S_{bas}) + 5M_{dist}$, $BLACKMAIL^5: 2S_{int} (1S_{bas}+1S_{per}) + 4M_{dist}$.

Выяснилось, что вербальные репрезентанты угрозы отличаются частотностью использования и сферой употребления в англоязычной коммуникации. Лексикографические издания регулярно фиксируют, что глагол «*threaten*» не является самым частотным в лексико-тематическом пространстве угрозы, однако входит в перечень 3000 употребительных слов в устной англоязычной речи. При этом глагол «*threaten*» являет собой наиболее семантически «объемный» вербальный репрезентант угрозы. Анализ языкового материала не позволил обнаружить специфичность употребления вербальных репрезентантов угрозы в грамматических конструкциях английского языка американского или британского вариантов.

Установлено, что лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке сформировано следующими глаголами (глаголы снабжены словарными пометами и маркированы показателями, указывающими на их позицию в лексико-тематическом пространстве угрозы, полужирным шрифтом выделены наиболее употребительные глаголы, согласно изданию COCA, url): ядро: ***threaten***⁰; околоядерная зона: ***warn***¹, ***forewarn***² (formal, often passive), ***caution***³, ***admonish***⁴ (formal), ***blackmail***⁵, ***intimidate***⁶, ***bully***⁷, ***cow***⁷ (formal), ***terrorize***⁷, ***browbeat***⁸, ***bulldoze***⁹ (informal, often passive), ***badger***¹⁰, ***dragoon***¹⁰ (formal, obsolete), ***force***¹¹ (often passive), ***bullyrag***¹²

(informal, dialectal), *coerce*¹² (formal), *comminate*¹², *press-gang*¹² (informal, usually passive, obsolete), *pressure*¹² (especially Am. Engl., often passive), *pressurize*¹² (usually passive), *railroad*¹²; периферийная зона: *abuse*¹³, *awe*¹⁴ (formal, usually passive), *daunt*¹⁴, *frighten*¹⁴, *overawe*¹⁴ (usually passive), *scare*¹⁴, *spook*¹⁴ (informal, Am. Engl.), *imperial*¹⁵ (formal), *lurk*¹⁵, *compromise*¹⁵, *jeopardize*¹⁵ (formal), *endanger*¹⁵, *forebode*¹⁶, *bluster*¹⁷, *dismay*¹⁷, *unnerve*¹⁷, *menace*¹⁸ (formal), *torment*¹⁹ (formal, rare), *enforce*¹⁹, *fulminate*²⁰ (formal, archaic), *tyrannize*²⁰, *scowl*²⁰, *dishearten*²⁰, *domineer*²⁰, *growl*²⁰, *oppress*²⁰ (literary, obsolete), *snarl*²⁰, *hector*²¹ (formal, disapproving), *overbear*²¹ (usually passive), *subdue*²² (rather formal); дальняя периферийная зона: *portend*²³ (formal), *presage*²³ (formal, literary), *foreshadow*²⁴ (formal), *loom*²⁵ (journalism), *impend*²⁶ (formal, rare), *augur*²⁶ (formal).

Проведенный семантический анализ свидетельствует о том, лексико-тематическое пространство угрозы в английском языке обладает контрарным характером и формирует в ментальном пространстве носителя английского языка “заранее установленный сюжет”, который предполагает возможность наступления негативных последствий для объекта воздействия и возможность их избежать. Однако полученные результаты не отражают механизм функционирования англоязычных актов менасивной каузации в условиях политической коммуникации. Становится очевидной необходимость нового подхода к структурированию знаний носителей английского языка о вербальной угрозе, который позволит выяснить, как сочетаются элементы контрарного плана в конкретном случае реализации акта менасивной каузации для решения коммуникативной задачи говорящего.

Третья глава «Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы как основа политического акта менасивной интеракции» посвящена систематизации представлений носителей английского языка о феномене вербальной угрозы, а также разработке инвариантного коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и описанию специфики функционирования его вербальных разновидностей в публично-информационном пространстве политической коммуникации.

В ходе исследования удалось систематизировать зафиксированные фрагменты знаний языковой личности о контрарных элементах вербальной угрозы. В целях проводимого описания варианты интегративного компонента (семы) вербальной угрозы были распределены по принципу увеличения интенсивности проявления негативных последствий для адресата и конкретизации способов санкционного воздействия на него: (а) «источник возможной опасности» → (б) «совершение чего-либо неприятного» → (в) «совершение чего-либо плохого» → (г) «причинение боли, вреда или беспокойства» → (д) «осуществление наказания» → (е) «разрушение чего-либо». Предлагаемое иерархическое распределение сем позволяет говорить о явлении “включенности” или **инклюзивном механизме** интегративного компонента «наступление негативных последствий», при котором каждая последующая сема включает в свой содержательный объем предыдущую, а вся совокупность взаимодополняющих сем отражает возможные варианты негативных проявлений вербальной угрозы. Распределение сем было представлено в виде реляционной структуры, в терминологии И.П. Сусова, негативных проявлений вербальной угрозы в последовательности: а→б→в→г→д→е, где буквами обозначены варианты интегративного компонента, а стрелки указывают на их инклюзивный характер.

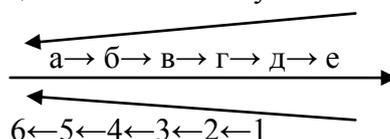
Свойства менасивности вербальной угрозы структурированы по принципу конкретизации представлений носителей языка о возможности избежать наступления негативных последствий, выполнив каузируемые действия: (1) «затронутость

эмоциональных переживаний субъекта и объекта каузации» → (2) «несимметричность отношений между носителем и объектом каузации» → (3) «причинно-следственная (условно-следственная) связь между возможным санкционным воздействием на объект и причиной (условием) его совершения» → (4) «обоюдная незаинтересованность носителя и объекта каузации в наступлении негативных последствий для объекта каузации» → (5) «обоюдная возможность выбора пути дальнейшего взаимодействия» → (6) «отсутствие враждебной настроенности участников акта каузации». Обозначенная совокупность семантических свойств основана на *механизме менасивной инклюзии* и отражает специфику побудительного значения вербальной угрозы. Реляционная структура свойств-конкретизаторов имеет вид: 1→2→3→4→5→6.

Проведенный анализ обнаруживает, что зафиксированные реляционные структуры определенным образом соотносятся в ментальном пространстве когнитивного агента, образуя прототипическую (типовую) ситуацию (абстрактный образ) порождения и восприятия вербальной угрозы. Становится понятным, что интегративно-амальгамированная совокупность упорядоченных контрарных элементов вербальной угрозы формирует функционально-когнитивную структуру, фрейм или функционально-семантическое представление типовой коммуникативной ситуации угрозы (ФСП-угроза). Такая конфигурация может быть представлена в виде:

Схема 1

Фреймовая конфигурация типовой коммуникативной ситуации угрозы

Конфигурация показывает, что языковая личность, опираясь на собственные представления о содержательных характеристиках вербальной угрозы и различные типы знаний, может определить в комплексном вербальном образовании со значением угрозы наличие логической связи между возможным санкционным воздействием и необходимостью выполнить каузируемые действия, чтобы избежать негативных последствий. Также есть все основания утверждать, что семантические признаки и свойства вербальной угрозы формируют *туннель менасивности* (*менасивный туннель*), который определяет лимнологическое пространство побудительного значения высказываний-угроз и задает границы для отдельных представлений носителей английского языка о репрезентации угрозы в виде актов менасивной каузации в дискурсивном пространстве политического взаимодействия.

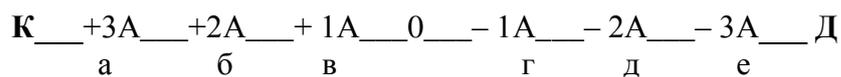
Тем не менее, совокупный объем отдельных представлений о феномене вербальной угрозы не позволяет отразить (вскрыть) когнитивный (ментальный) механизм, используемый носителем языка для интерпретации и оценки конкретных предвыборных менасивов, репрезентированных в политической коммуникации при помощи различных средств английского языка. Поэтому в рамках настоящего исследования принято решение обратиться к опыту когнитивных изысканий с позиций функциональной парадигмы *коммуникативного конструктивизма* (Герген / Джерджен, 2003; 2016; Касавин, 2007; Келли, 2000; Пиаже, 2004; Романов, 2016; Романов, Немец, 2006; Романов, Романова, 2005; 2009; Романова, 2005; 2009; Улановский, 2010; Шюц, 2003; Watzlawick, 1981) и разработать *коммуникативный конструкт предвыборной угрозы* (менасивный конструкт предвыборного дискурса) как базис, способ истолкования или дихотомическую конфигурацию, на основе которой языковая личность как субъект речевой деятельности и когнитивный агент

языкового сознания осуществляет оперирование феноменом вербальной угрозы в условиях политической коммуникации.

В основу разработки коммуникативного конструкта предвыборной угрозы положены структурированные представления носителей языка о вербальной угрозе (ФСП-угроза) с учетом *особого функционального контекста* агональной дискурсии. Коммуникативный конструкт предвыборной угрозы может быть представлен в виде векторной градуированной оси, направленной от контрарной точки комфорта (К) к контрарной точке дискомфорта (Д) с размещением на такой оси зафиксированных в ходе дефиниционного анализа сем. В целях настоящего исследования семы распределены на оси конструкта в порядке увеличения интенсивности проявления негативных последствий для адресата и усиления некомфортных эмоциональных переживаний участников предвыборной дискурсии от точки (К) к точке (Д). Характерной особенностью предлагаемого ментального образования является наличие «нулевого меридиана», который делит континуум содержания конструкта на две части с центром в точке 0 («ноль», «Без аффекта»), где левая часть континуума соответствует аффицированным положительным переживаниям (+А) участников предвыборной дискурсии, а правая – аффицированным отрицательным (–А). Кроме того, коммуникативный конструкт предвыборной угрозы обладает такой способностью, что расположению входящих в него конституентов (элементов) присущ *иерархический*, соподчиненный характер, где могут быть выделены пиковые переживания (К и Д), промежуточные переживания (+А и –А) и нулевая точка (0), отличающиеся интенсивностью прагма-эмоционального воздействия менасивов на адресата.

Установлено, что каждая сема вербальной угрозы находит отражение в конкретных менасивных высказываниях, например, сема (е) «разрушение чего-либо» актуализируется в предвыборных менасивах «*That's why the suburbs are in trouble*» (Biden, 2020a) и «*Our enemies are getting stronger and we are getting weaker*» (Trump, 2015a), способствуя формированию определенных эмоциональных переживаний адресата на континууме содержания коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Проведенный анализ фиксирует лингвокогнитивное соотношение между представлениями носителей английского языка о вербальной угрозе, заложенными в их ментальном пространстве в виде совокупности константных признаков и сем, и прагма-эмоциональным воздействием менасивов, которые реализуются в политической коммуникации и включают в свой содержательный объем ту или иную сему. Такое соотношение удобно отобразить на градуированной оси К↔Д:

Схема 2

В выбранном подходе семы рассматриваются как семантические маркеры диспозиций Я-модальностей участников типовой ситуации предвыборной угрозы: Я-адресата (Я-избирателя) и Я-адресанта (Я-политика), а элементами коммуникативного конструкта предвыборной угрозы являются диспозиции модальностей Я-избирателя и Я-политика, которые формируются при помощи менасивов. Предложенный и разработанный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы является собой интерактивно-семантическую систему модальностей диспозиций Я-политика и Я-избирателя, находящуюся в функциональном пространстве контрарных отношений – в пороговых пределах от комфортного до дискомфортного эмоционального состояния:

Инвариантный коммуникативный конструктор предвыборной угрозы

$$\begin{array}{ccccccc}
 & & & & \text{Я-политика} & & \\
 & & & & | & & \\
 \text{К} & \frac{\quad}{\quad} + 3\text{А} \frac{\quad}{\quad} + 2\text{А} \frac{\quad}{\quad} + 1\text{А} \frac{\quad}{\quad} 0 \frac{\quad}{\quad} - 1\text{А} \frac{\quad}{\quad} - 2\text{А} \frac{\quad}{\quad} - 3\text{А} \frac{\quad}{\quad} & \text{Д} \\
 | & \text{Я-избирателя} & | & \text{Я-избирателя} & | & \text{Я-избирателя} & |
 \end{array}$$

Результатом разработки коммуникативного конструктора предвыборной угрозы явилось установление границ функционально-семантического пространства, в котором реализуются менасивные регулятивные действия политиков в виде естественно-языковых практик английского языка, выраженных в процессе социально-политического взаимодействия и связанных с изменением эмоционального состояния избирателей. Предложенный лингвистический инструментарий фиксирует определенную зависимость между менасивными практиками политиков и эмоциональными переживаниями избирателей в виде диспозиций *Я*, формируемыми в процессе оценки и интерпретации конкретных менасивов. Такой инструментарий позволяет *в одной плоскости* взглянуть на прагма-эмоциональное воздействие менасивов, упорядочивает представления носителей английского языка о вербальных проявлениях угрозы в политической коммуникации, а также позволяет определить “глубину” интенсивности предвыборных менасивов. В результате анализа выяснилось, что языковая личность, оперируя феноменом вербальной угрозы в условиях политической коммуникации, обращается к реляционной структуре негативных проявлений вербальной угрозы, оценивает такие проявления в содержательном пространстве менасивного туннеля, а также определяет диспозицию своего *Я* на континууме содержания коммуникативного конструктора предвыборной угрозы – в пороговых пределах между комфортом и дискомфортом. В исследовании доказано, что в условиях агональной дискурсии политик как автор менасива также находится в некомфортном эмоциональном состоянии.

В четвертой главе «Манифестационная репрезентация коммуникативного конструктора предвыборной угрозы в американском политическом дискурсе» описана инвариантная формула предвыборных менасивов, систематизированы языковые средства их поверхностной манифестации в английском языке, выделены функционально-семантические разновидности высказываний-угроз, а также установлено лингвокогнитивное соотношение между конкретной реализацией функционально-семантической разновидности менасива и соответствующей ей диспозиции *Я-избирателя* на коммуникативном конструкторе предвыборной угрозы.

Анализ языкового материала показывает, что претенденты на пост Президента США задействуют широкие возможности вербальной репрезентации коммуникативного конструктора предвыборной угрозы в виде менасивных высказываний. Известно, что наиболее адекватным средством выражения иллокутивного характера высказывания является эксплицитная формула в смысле концепции Дж. Остина (Austin, 1979), которая представляет собой сочетание предикатного ядра с аргументами и определяется валентными и содержательными характеристиками предиката (Романов, 2005). Такая формула именуется стандартной (инвариантной) и ее можно представить конфигурацией: NP (1) – V – NP (2) – S (3). Предвыборные менасивы, имея ряд особенностей поверхностной манифестации в английском языке, реализуются согласно обозначенной инвариантной формуле.

В качестве конструктивно-содержательного ядра семантической структуры предвыборных менасивов выступает иллокутивный глагол «*threaten*», а конкретная семантическая конфигурация стандартной формулы менасивов может быть по-

строена с учетом всех семантико-синтаксических признаков этого глагола. Главное конструктивно-манифестационное отличие инвариантной формулы предвыборных менасивов от “классических” матриц проявляется в том, что предикатное ядро такой конфигурации не может быть выражено перформативным глаголом «*threaten*», который не поддается перформативному употреблению (Вендлер, 1985). Несмотря на это, позиция первого аргумента (1), обозначающего носителя воздействия (каузации), позиция второго аргумента (2), выражающего объект воздействия, и позиция целевого аргумента (3) замещаются различными средствами английского языка, а семантическое содержание матричной формулы предвыборных менасивов может быть представлено в виде трехаргументной конфигурации: «*I (1) threaten (V) you (2) with negative effect (3)*».

Конструктивный предикат инвариантной формулы (V) формирует **консеквентный компонент** угрозы (консеквент) и замещается глаголами, в значении которых содержится указание на негативное воздействие, например: «*to ban*», «*to beat*», «*to challenge*», «*to demand*», «*to exhaust*», «*to fight*», «*to get rid of*», «*to hurt*», «*to kick*», «*to lose*», «*to shut down*», «*to stand up against*». Ср.: «*I will knock the hell out of ISIS*» (Trump, 2016e); «*And ladies and gentlemen, if I'm the next President, we will defeat them*» (Santorum, 2015).

Аргументная позиция субъекта воздействия замещается одушевленными предметами и выполняет семантическую функцию агенса. Носитель воздействия маркируется личными местоимениями, ср.: «*As president I will make them small, poor and on the run*» (Graham, 2015); «*We've got to take the corporate control out of our politics*» (Steyer, 2019); «*He's offering empty promises*» (Clinton, 2016c); «*She's raising your taxes really high*» (Trump, 2016e); «*They will never bring us to the Promised Land*» (Trump, 2015a) к, а также именами существительными (именными группами), ср.: «*The current administration is making us less prosperous and less secure*» (Delaney, 2017). Аргументная субкатегоризация позволяет снабдить субъект менасивной каузации семантическими признаками: + одушевленное лицо; + говорящий; + каузатор совершения определенных действий; + каузатор перемещения диспозиция Я-избирателя слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; +/- потенциальный исполнитель санкционного действия.

Аргументная позиция объекта менасивной каузации замещается одушевленными предметами. Аргумент выполняет семантическую роль пациенса и может быть маркирован именами существительными, ср.: «*I am going to keep the terrorists out of our country*» (Trump, 2016d); «*I want to be president to defeat the enemies trying to kill us*» (Graham, 2015), а также личными местоимениями, ср.: «*They want to destroy you and they want to destroy our country as we know it*» (Trump, 2019); «*He wants to divide us from the rest of the world and from each other*» (Clinton, 2016c). В ряде менасивов аргументная позиция пациенса оказывается незамещенной в поверхностной манифестации, ср.: «*We just need, we just need to have the courage to choose, we just need to have the courage to stand up and say enough*» (Christie, 2015). Однако из представленного менасива понятно, в отношении какой категории граждан возможно наступление негативных последствий. Аргументная субкатегоризация дает возможность приписать объекту воздействия семантические признаки: + одушевленное лицо; + слушающий (избиратель); + избиратель как потенциальный исполнитель каузируемого действия; + избиратель как объект перемещения диспозиции Я слева направо по оси коммуникативного менасивного конструкта; +/- избиратель как лицо, в адрес которого направлено санкционное воздействие.

За аргументной позицией цели может стоять любая ситуация или состояние дел. В конструктивно-синтаксическом плане эта позиция замещается: придаточными предложениями, ср.: «*We will never fix Washington from the inside unless we send someone to Washington from the outside*» (Trump, 2015a); «*If we try to hide who we are again... we will lose again*» (Jindal, 2015), «*But we will never enjoy peaceful co-existence with radical Islam because its followers are committed to destroying us and our way of life*» (Graham, 2015), именной группой, ср.: «*We cannot achieve national security without economic strength*» (Gilmore, 2015), а также частями сложносочиненного предложения, ср.: «*I say we will rise together or we will fall together as one nation, indivisible*» (Harris, 2019). Аргументная позиция цели может содержать указание на условие наступления негативных последствий или **условный компонент (антецедент)**, ср.: «*unless we send someone to Washington from the outside*» (Trump, 2015a). Также позиция цели может указывать на причину наступления негативных последствий или на **каузативный компонент**, ср.: «*because its followers are committed to destroying us and our way of life*» (Graham, 2015). При этом декларируемая политиком связь событий – антецедента (условия или причины) и консеквента – известна ему как автору предвыборного менасива и избирателю как адресату.

Предвыборные менасивы, которые соответствуют инвариантной формуле, являются **основными** эксплицитными формами. Они насчитывают около 40,44 % от общего числа примеров и представлены манифестационными разновидностями: а) **эксплицитно-экспонентными** менасивами, которые содержат указание политика на консеквентный и условный компоненты угрозы, ср.: «*You can't fix a broken Washington if you don't level with the American people*» (Bennet, 2019); «*But the truth is, if we go down that road again, we will lose again*» (Jindal, 2015); б) **проспективно-консеквентными** менасивами, которые содержат указание политика на консеквентный и каузативный компоненты угрозы, ср.: «*He owes the president an apology, he owes our country an apology, and he needs to take responsibility for his actions and his words*» (Clinton, 2016e); «*We need to reduce income inequality, because our country can't lead effectively when so many are struggling to provide the basics for their families*» (Clinton, 2016); в) **экспозитивными** менасивами, которые содержат указание только на консеквент угрозы, ср.: «*And they want to radicalize our judiciary*» (Trump, 2019); «*We are burdening our children with endless debt*» (Lessig, 2015).

К **транспонированным** эксплицитным формам относятся предвыборные менасивы, в которых значение угрозы является результатом прагматической транспозиции и наслаивается на основное значение высказывания в результате его особого использования в пресуппозиционных условиях политической коммуникации (о транспозиции и пресуппозиционной основе см.: Романов, 1988; 2005). Такие менасивы не соответствуют инвариантной формуле и в формальном плане синонимичны другим интенциональным типам высказываний, ср.: «*Do I think it will be easy?*» (Clinton, 2015); «*How bad could it possibly get?*» (Messam, 2019); «*Are we going to be safe to go to the mall or safe to leave our homes?*» (Kasich, 2015); «*Stop handing out enormous tax giveaways to rich people and giant corporations*» (Warren, 2019); «*Climate chaos is the existential threat facing our planet and our very lives*» (Swalwell, 2019). Транспонированные менасивы насчитывают около 51,91% от общего числа примеров.

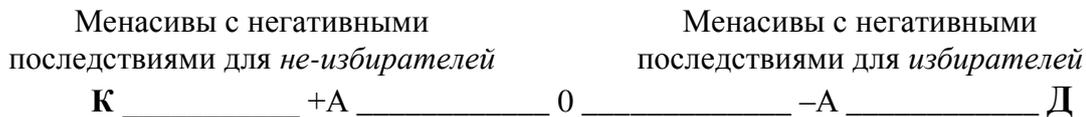
К **имплицитным** менасивам относятся предвыборные высказывания-угрозы, дифференциальным свойством которых является отсутствие указания со стороны политика на *характер и вид ожидаемого действия* в эксплицитной форме. Условия агональной дискурсии позволяют понять, что политик выступает каузатором

определенных действий – предпочтению его кандидатуры на выборах, а объектом каузации – избиратель, ср.: «*There's not much time left*» (Biden, 2019); «*They are the party of the past*» (Pataki, 2015); «*Like the women of Lawrence, we are here to say enough is enough!*» (Warren, 2019). Функционирование имплицитных менасивов основано на оценке избирателями информативной значимости высказываний и пресуппозициональной основы конкретной ситуации агональной дискурсии. Имплицитные менасивы составляют около 7,65% от общего числа примеров.

Выяснилось, что предвыборные менасивы адресованы фокусной группе избирателей: избиратель выступает в качестве адресата таких высказываний и объекта прагма-эмоционального воздействия политика. Однако с целью каузации избирателей политик может декларировать им свое намерение совершить санкционные действия в отношении нефокусной аудитории (сторонников и потенциальных избиратели других кандидатов), а также кандидат может указывать на возможность совершения третьими лицами некоторых негативных действий в отношении электората. При этом в американском предвыборном дискурсе не удалось обнаружить менасивы, в которых политик декларировал бы свое намерение совершить негативные действия в отношении избирателей. На основании такого прагматического компонента (параметра) как *адресатная направленность* негативных последствий (консеквентный компонент) массив эмпирического материала был разделен на две адресатные разновидности: менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей* и менасивы с негативными последствиями *для избирателей*.

Оказалось, что зафиксированные разновидности оказывают различное прагма-эмоциональное воздействие на массового адресата. Менасивы с негативными последствиями *для не-избирателей* оказывают прагма-эмоциональное воздействие на электорат в лимнологическом пространстве аффицированных положительных диспозиций Я-избирателя, находящихся в пороговых пределах от точки К до точки 0 на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, так как так как характер и вид негативных последствий таких высказываний затрагивает избирателей косвенно. Ср.: «*So if you want to know what the first and most important plank in my climate proposal for America is: beat Trump*» (Biden, 2019); «*All of these liars will be sued after the election is over*» (Trump, 2016e). В таких менасивах потенциальным исполнителем санкционных действий является политик и / или его команда, ср.: «*My ethics plan will end the corruption in our government*» (Trump, 2016f); «*Finally, let's make sure that Wall Street corporations and the super rich pay their fair share of taxes*» (Clinton, 2016b). В свою очередь, менасивы с негативными последствиями *для избирателей* формируют аффицированные отрицательные переживания электората в пороговых пределах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы от точки 0 до точки Д, отражая намерение политика воздействовать на идентичность избирателей таким образом, чтобы сплотить их вокруг себя для решения проблем благополучного развития страны, ср.: «*This vast accumulation of debt threatens not just our economy, but our security*» (Paul, 2015); «*But we cannot rebuild the American Dream here at home by catering to the voices of the privileged and the powerful*» (O'Malley, 2015). Потенциальным исполнителем санкционных действий менасивов с негативными последствиями *для избирателей* является не-политик.

Функционально-семантические особенности адресатных разновидностей менасивов могут быть использованы как критерии для макросегментации диспозиций модальности Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы, что можно схематично отобразить на градуированной оси К↔Д:

Обозначенные разновидности являются неоднородными в функционально-семантическом плане и включают в свой состав высказывания-угрозы, обладающие некоторыми “оттенками” значений. Анализ выявил наличие 6 функционально-семантических разновидностей менасивов – *угроз-обещаний, угроз-призывов, угроз-декларативов, угроз-предупреждений, угроз-обвинений и угроз-констативов*, которые маркируются различными средствами английского языка.

Таблица 1

Манифестационная репрезентация функционально-семантических разновидностей предвыборных менасивов

	угрозы-обещания	угрозы-призывы	угрозы-декларативы	угрозы-предупреждения	угрозы-обвинения	угрозы-констативы
I. Эксплицитные менасивы:	+	+	+	+	+	-
<i>а) основные формы:</i>	+	+	+	+	+	-
- экспозитивные	+	+	+	+	+	-
- эксплицитно-экспонентные	+	+	+	+	-	-
- проспективно-консеквентные	+	+	+	+	+	-
<i>б) транспонированные формы</i>	+	+	-	+	+	+
II. ИмPLICITные менасивы	-	+	+	+	+	+

Исследование демонстрирует, что функционально-семантические разновидности менасивов обладают набором содержательных признаков (нюансов), которые выступают дифференциальными критериями для разграничения таких разновидностей и соотносятся с определенным прагма-эмоциональным воздействием на электорат, формируя ту или иную диспозицию Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы. В целях проводимого исследования зафиксированные разновидности менасивов были распределены на градуированной оси коммуникативного конструкта по принципу увеличения “глубины” интенсивности их прагма-эмоционального воздействия на избирателей от точки (К) к точке (Д). Результатом предложенного описания является следующее лингвокогнитивное соотношение между конкретной реализацией функционально-семантической разновидности менасива и соответствующей ей возможной диспозицией Я-избирателя на коммуникативном конструкте предвыборной угрозы:

Схема 5

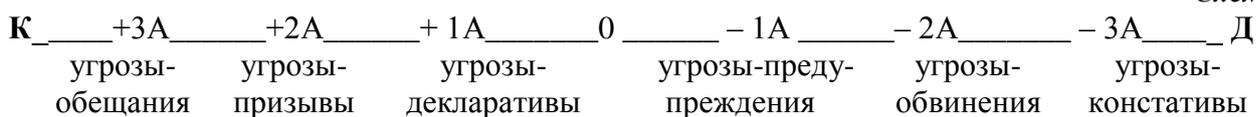

Схема показывает, что функционально-семантические разновидности менасивов обладают различной “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия. *Угрозы-обещания* формируют диспозицию +3А коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Такие менасивы обладают *двойной прагматической (целевой) направленностью*: они одновременно содержат указание автора на намерение сделать что-то в ущерб представителям оппозиции и обещание сделать что-либо в пользу избирателей, ср.: «*I promised then as I promise you now, I will take money and power out of Washington and put it back where our Constitution says it belongs – in the people who earned it*» (Santorum, 2015); «*I want to be president to make government work for you, not the other way around*» (Graham, 2015).

Угрозы-призывы формируют диспозицию +2А, являя собой побуждение политика привлечь избирателей к совместному выполнению негативных действий в отношении его нефокусной аудитории. Дифференциальной особенностью угроз-призывов является включение в позицию субъекта воздействия признака «коллективный исполнитель санкционного действия (политик + избиратели)», ср.: *«I ask you to join me, in this spirit of putting service before self, to stand up against the forces of greed and corruption»* (Gabbard, 2019); *«Together we will end gerrymandering, we will get big money out of our politics»* (O'Rourke, 2019).

Угрозы-декларативы формируют диспозицию +1А и содержат указание кандидата на планируемое совершение санкционных действий в отношении нефокусной аудитории. Дифференциальным функционально-семантическим признаком угроз-декларативов является включение в позицию субъекта воздействия признака «коллективный исполнитель санкционного действия (политик + его команда)», ср.: *«As president I will take on the wealthy, I will take on the big corporations I will not rest until this government serves working people»* (de Blasio, 2019); *«So our team, we'll tame the bureaucracy, restore this common sense, get rid of all the stupid rules»* (Kasich, 2015).

Угрозы-предупреждения формируют диспозицию –1А и содержат указание на возможные негативные действия, которые политик не планирует совершать сам в отношении фокусной аудитории, но от последствий которых он стремится уберечь избирателей. Разновидность характеризуется наличием в содержательном объеме *некоторой временной отсрочки* в наступлении негативных последствий для электората, ср.: *«I just don't want you to be shot by someone who shouldn't have a gun in the first place»* (Clinton, 2016c); *«Imagine if we had a Democrat President and a Democrat Congress in 2020»* (Trump, 2019).

Угрозы-обвинения формируют диспозицию –2А, информируя избирателей о возможных негативных последствиях, причиной наступления которых являются непродуманные действия и политические решения представителей власти, оппозиции или нефокусной аудитории кандидата. Автор угроз-обвинений в эксплицитной форме указывает на тех, кто, по его мнению, становится причиной наступления негативных последствий для избирателей, ср.: *«As long as Donald Trump is in the White House, none of these critical things will get done»* (Biden, 2019); *«Putin seized Ukrainian territory, and threatens our NATO allies»* (Graham, 2015).

Угрозы-констативы формируют диспозицию –3А, фиксируя некоторое положение дел в стране, которое представляет существенную опасность для избирателей. Автор угроз-констативов сообщает избирателям о возможности и неминуемости негативных последствий, но не берет на себя ответственность за их наступление и не указывает на того, кто их совершит, ср.: *«Our country is in serious trouble»* (Trump, 2015a); *«The challenges before us are the greatest of our lifetimes»* (O'Rourke, 2019); *«This is catastrophic»* (Sanders, 2015).

Таблица 2

Частотность реализации функционально-семантических разновидностей менасивов			
Менасивы с негативными последствиями для <i>не-избирателей</i>	угрозы-обещания	9,26 %	39,38 %
	угрозы-призывы	7,98 %	
	угрозы-декларативы	22,14 %	
Менасивы с негативными последствиями для <i>избирателей</i>	угрозы-предупреждения	26,36 %	60,62 %
	угрозы-обвинения	10,35 %	
	угрозы-констативы	23,91 %	

Становится понятным, что претенденты на пост Президента США задействуют широкие возможности вербальной репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы в английском языке, а менасивы обладают различной “глубиной” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на массового адресата.

В **пятой главе** «Тактико-стратегическая реализация менасивного воздействия в коммуникативно-конструктивном пространстве предвыборной дискурсии» описана вербальная специфика стратегического функционирования предвыборных высказываний-угроз в условиях англоязычного публично-информационного пространства политической коммуникации, выделяется глобальная стратегия менасивного воздействия и формирующие ее тактики, определяется “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей совокупности высказываний-угроз и индекс менасивности американского предвыборного дискурса.

В ходе исследования выяснилось, что кандидаты на пост Президента США осуществляют осознанное употребление предвыборных высказываний-угроз в рамках *глобальной менасивной стратегии*, которая направлена на организацию вербального воздействия на избирателей с целью привлечения их внимания к кандидатуре политика. Эту стратегию формирует иерархически организованная совокупность стратегий, состоящая из *базовой* (гиперонимической) стратегии менасивного воздействия (*базовая менасивная стратегия*), а также таких *дополнительных* стратегий как стратегия количественного воздействия высказываний-угроз и стратегия композиционного распределения высказываний-угроз в выступлении кандидата.

Анализ показывает, что политики используют базовую стратегию в виде одного из вариантов ее развертывания – менасивной тактики (далее МТ), позволяющей им вариативно интенсифицировать прагма-эмоциональное воздействие предвыборных высказываний-угроз, ослабляя интенсивность воздействия на избирателей или приближая их к состоянию дискомфорта. Для адекватного представления вариантов развертывания базовой менасивной стратегии был использован разработанный коммуникативный конструкт предвыборной угрозы. Удалось выявить наличие трех тактик базовой стратегии: МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением прагма-эмоционального воздействия, зафиксированная примерно в 38,78% выступлений политиков, МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на конкретный набор диспозиций эмоционального состояния избирателей, использованная примерно в 34,69% выступлений, и МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей, задействованная примерно в 26,53% выступлений.

Реализацию базовой менасивной стратегии удобно проследить на примере использования МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия в одном из публичных выступлений Б. Сандерса (Sanders, 2019). Выступление политика включает 12 предвыборных менасивов, каждый из которых относится к определенной функционально-семантической разновидности. При этом каждая функционально-семантическая разновидность менасива была последовательно пронумерована и соотнесена с прагма-эмоциональным воздействием, которое такая разновидность оказывает на избирателей в лингвистических параметрах коммуникативного конструкта предвыборной угрозы. Установлено, что в начале выступления политик оказывает легкое воздействие на электорат, используя угрозы-декларативы (1) «*Our campaign is not only about defeating Donald Trump, the most dangerous president in modern American history*» и (2) «*Our campaign is about taking on the powerful special interests that dominate*

our economic and political life», а также угрозу-обещание (3) «*Our campaign is about creating a government and economy that work for the many, not just the few*». Такие угрозы вводят избирателей в аффицированное положительное эмоциональное состояние, находящееся в пороговых пределах диспозиций +1А и +3А соответственно.

Далее Б.Сандерс нагнетает дискомфортные эмоциональные переживания электората. Угроза-обвинение (4) «*The powerful special interests in this country have unbelievable power and they want to maintain the status quo*» фиксирует наличие виновных («*the powerful special interests*») в складывающейся негативной ситуации в стране и вводит массового адресата в диспозицию –2А, в то время как угроза-предупреждение (5) «*The only way we will win this election and create a government and economy that work for all is with a grassroots movement – the likes of which has never been seen in American history*» вводит избирателей в диспозицию –1А, указывая на наличие единственной возможности («*the only way*») направить развитие страны в нужное русло – предпочесть Б.Сандерса на выборах. В угрозе-констативе (6) «*You know as well as I do that we are living in a pivotal and dangerous moment in American history*» политик реализует стратегический менасивный “удар”, представляющий собой целенаправленное использование функционально-семантической разновидности угрозы, которая формирует наиболее интенсивные (пиковые) эмоциональные переживания электората в рассматриваемом выступлении. Стратегический менасивный “удар” прослеживается на коммуникативном конструкте в виде отчетливо выраженного усиления воздействия на избирателей при помощи угрозы.

После менасивного “удара” Б. Сандерс ослабляет интенсивность воздействия, чередуя использование угроз-декларативов: (7) «*We are running against a president who is a pathological liar, a fraud, a racist, a sexist, a xenophobe and someone who is undermining American democracy as he leads us in an authoritarian direction*» и (9) «*We need to take on the NRA, expand background checks, end the gun show loophole and ban the sale and distribution of assault weapons*», оказывающих воздействие на электорат в пределах диспозиции +1А, а также угроз-предупреждений: (8) «*We need a president who understands that climate change is real, is an existential threat to our country and the entire planet, and that we can generate massive job creation by transforming our energy system away from fossil fuels to energy efficiency and sustainable energy*» и (10) «*Needless to say, there is a lot of frightening and bad news in this world*», ориентированных на формирование переживаний избирателей в диспозиции –1А. Завершая выступление, политик стратегически реализует угрозы-призывы (11) «*Will you stand with me as part of a million person grassroots movement which can not only win the Democratic primary, not only win the general election, but most importantly help transform this country so that, finally, we have a government that works for all of us and not just the few?*» и (12) «*And together we can defeat Donald Trump and repair the damage he has done to our country*», оказывая незначительное воздействие на избирателей в пороговых пределах диспозиции +2А и призывая их к совместной борьбе за будущее страны.

Результатом предлагаемого описания явилось формирование прагматограммы менасивного воздействия Б. Сандерса (о прагматограмме см.: Романов, 1991), элементами которой явились функционально-семантические разновидности высказываний-угроз. Зафиксированные элементы прагматограммы, создающие каркас или коннекторные скрепы публичного выступления, отображены на разновидности коммуникативного конструкта предвыборной угрозы Б. Сандерса:

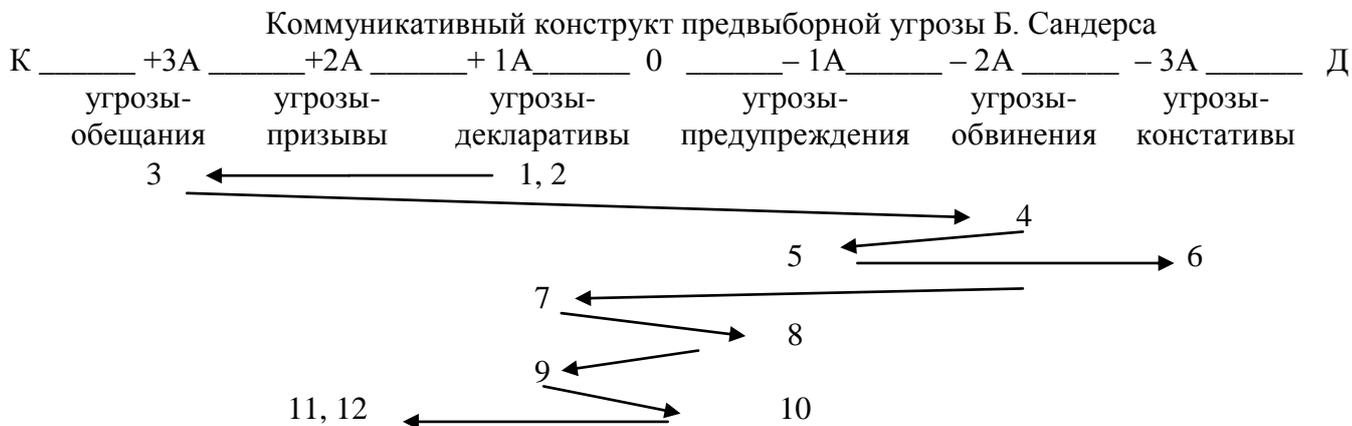

Схема демонстрирует специфику МТ *нагнетания* дискомфортного эмоционального состояния избирателей с последующим ослаблением воздействия, проявляющуюся в процессе “якорения” в массовом сознании электората возможности перемещения диспозиции Я-избирателя от комфорта к дискомфорту по градуированной оси коммуникативного конструкта предвыборной угрозы, а также возможности обратного перемещения – от дискомфорта к комфорту.

Принцип разработки коммуникативного конструкта предвыборной угрозы позволил предложить показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на избирателей совокупности менасивов, реализованных в публичном выступлении кандидата (показатель MT_{int}). Этот показатель вычисляется на основе суммирования числовых показателей (в диапазоне значений от +3 до -3), соотносимых с диспозициями Я-избирателя на градуированной шкале коммуникативного конструкта и соответствующими им функционально-семантическими разновидностями менасивов. Показатель MT_{int} совокупности 12 предвыборных менасивов Б. Сандерса, реализованных в его публичной речи (Sanders, 2019), вычисляется по формуле: $MT_{int} = 1 + 1 + 3 + (-2) + (-1) + (-3) + 1 + (-1) + 1 + (-1) + 2 + 2$ и составляет +3. Также установлено, что, например, $MT_{int} = +5$ в одном из выступлений М. Блумберга (Bloomberg, 2019), $MT_{int} = -4$ в выступлении Д. Буша (Bush, 2015) и $MT_{int} = -37$ в выступлении Д. Байдена (Biden, 2019). При этом положительные значения показателя указывают на то, что реализованные политиком менасивы не формируют интенсивные эмоциональные переживания у электората, в то время как отрицательные значения показателя свидетельствуют о стремлении кандидата запугать избирателей возможными санкционными действиями.

Выяснилось, что каждая МТ базовой стратегии оказывает различное прагма-эмоциональное воздействие на избирателей в определенном диапазоне значений показателя MT_{int} . Например, Х. Клинтон и Д. Трамп использовали МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям Я-избирателя для анонсирования своего участия в президентской гонке 2016 г. Однако показатель “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия менасивов Х. Клинтон составляет -38, в то время как в предвыборном выступлении Д. Трампа этот показатель равен -50. Исследование фиксирует, что показатель MT_{int} , имеющий значение -50, является самым высоким отрицательным показателем в американской агональной дискурсии 2016 г. Принцип вычисления показателя MT_{int} был также применен для определения “глубины” интенсивности прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивов, реализованных в американском предвыборном дискурсе в определенный период. На материале анонсирующих речей претендентов на пост Президента США в 2016 году установлено, что показатель MT_{int} таких речей составляет -231, в

то время как “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия совокупности менасивов, реализованных в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США в 2020 году, составляет – 447.

Специфика использования политиками вариантов базовой менасивной стратегии представлена на примере материалов анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 гг.:

МТ *нагнетания* дискомфорта эмоционального состояния избирателя с последующим ослаблением воздействия (МТ_{int} = от +26 до –25): 2016 – Б. Сандерс, Г. Джонсон, Дж. Гилмор, Дж. Уэбб, К. Кристи, Л. Грэм, Л. Лессиг, Р. Санторум, Р. Пол, С. Уокер; 2020 – Б. Сандерс, Б. О’Рурк, Б. де Блазио, Дж. Делейни, К. Джиллибранд, М. Блумберг, С. Молтон, С. Булок, Т. Райан, Э. Клобучар;

МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия (МТ_{int} = от +16 до –49): 2016 – Б. Джиндал, Дж. Буш, Дж. Патаки, Л. Чейфи, М. Хакаби, Р. Перри, Т. Круз; 2020 – Д. Байден, Дж. Сестак, Дж. Хикенлупер, М. Беннетт, Т. Стейер, У. Мессам, Х. Кастро, Э. Суолуэлл;

МТ *точечных “ударов”* (МТ_{int} = от +12 до –98): 2016 – Дж. Кейсик, Д. Трамп, М. Рубио, М. О’Мэлли, Х. Клинтон; 2020 – Дж. Инсли, Д. Трамп, К. Харрис, К. Букер, М. Уильямсон, П. Буттиджич, Т. Габбард, Э. Уоррен.

Дополнительная стратегия *количественного воздействия* менасивов репрезентирована в американском предвыборном дискурсе: МТ *минимального количества* высказываний-угроз, которая реализуется примерно в 40,74 % выступлений кандидатов, МТ *среднего количества* высказываний-угроз, которая находит применение примерно в 33,33 % выступлений, и МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз, встречающаяся примерно в 25,93 % выступлений. При описании указанных МТ учитывался установленный в ходе анализа языкового материала **средний показатель частотности** менасивов в предвыборной коммуникации США, который составил примерно 20,12 менасива. Специфика использования политиками стратегии *количественного воздействия* менасивов представлена на примере материалов анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 гг. (в скобках указано количество менасивов в выступлении политика):

МТ *минимального количества* высказываний-угроз (менее 15): 2016 – Дж. Буш (14), Л. Лессиг (14), Дж. Уэбб (11), Р. Санторум (10), М. Рубио (8), Г. Джонсон (8), Б. Карсон (2), К. Фиорина (2); 2020 – Дж. Хикенлупер (13), Т. Райан (13), Б. Сандерс (12), Дж. Делейни (12), Э. Клобучар (12), Б. де Блазио (7), М. Беннетт (7), С. Молтон (7), С. Булок (7), Т. Стейер (5), Д. Патрик (4), Э. Ян (3), У. Велд (2), Р. Охеда (1);

МТ *среднего количества* высказываний-угроз (от 15 до 25): 2016 – М. Хакаби (25), С. Уокер (25), К. Кристи (24), Дж. Кейсик (21), Р. Перри (20), Т. Круз (19), Дж. Гилмор (18), М. О’Мэлли (18), Л. Чейфи (15); 2020 – К. Букер (25), П. Буттиджич (25), Дж. Инсли (24), К. Джиллибранд (24), Э. Суолуэлл (24), Х. Кастро (21), Б. О’Рурк (20), Дж. Сестак (19), М. Блумберг (18);

МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз (более 25): 2016 – Х. Клинтон (46), Л. Грэм (44), Д. Трамп (42), Б. Сандерс (35), Р. Пол (34), Б. Джиндал (33), Дж. Патаки (29); 2020 – Д. Трамп (49), М. Уильямсон (47), У. Мессам (45), Э. Уоррен (40), Т. Габбард (31), К. Харрис (29), Д. Байден (28).

Описание стратегического функционирования определенного числа менасивов в конкретном выступлении политика демонстрирует, что МТ *количественного воздействия* высказываний-угроз, связанная с активной реализацией политиком более 25 менасивов, способствует их эффективному внедрению в массовое сознание из-

бирателей, и такая тактика является прагматически эффективной в условиях американского политического противостояния. Однако исследование не позволяет выяснить, какое количество менасивов является достаточным для того, чтобы *побудить* избирателей проголосовать за политика, но *не запугать* возможными негативными последствиями.

Анализ языкового материала показывает, что выступления политиков и реализованные в них высказывания-угрозы характеризуются различным объемом, измеряемым в количестве слов. В этой связи для решения поставленных задач исследования предложен *индекс менасивности* предвыборного выступления политика (iM), который определяется количеством слов в выступлении политика (q^w), деленным на количество слов, с помощью которых в нем маркируются высказывания-угрозы (q^{th}): $iM = q^w/q^{th}$. Установлено, что индекс менасивности американского предвыборного дискурса составляет 6,00, означая, что примерно *каждое 6 слово* такого дискурса является коммуникативным маркером высказывания-угрозы. Материал исследования фиксирует, что индекс менасивности имеет самый низкий показатель в анонсирующей речи Д.Трампа 2016 года и составляет 2,06, указывая на стремление политика оказать интенсивное воздействие на электорат и задействовать с этой целью внушительный объем языковых средств.

Дополнительная стратегия *композиционного* распределения менасивов репрезентирована в американском предвыборном дискурсе: МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз, задействованной примерно в 62,32% выступлений, и МТ *неравномерного* распределения, которая встречается примерно в 37,68% случаев. Специфика использования МТ представлена на примере материалов анонсирующих речей кандидатов на пост Президента США в 2016 и 2020 гг.:

МТ *неравномерного* распределения высказываний-угроз: 2016 – Б. Джиндал, Дж. Патаки, М. Хакаби, С. Уокер, К. Кристи, Дж. Кейсик, Р. Перри, Т. Круз, Дж. Буш, Р. Санторум; 2020 – Д. Трамп, М. Уильямсон, Т. Габбард, К. Харрис, К. Букер, П. Буттиджич, Э. Суолуэлл, Б. О’Рурк, Дж. Хикенлупер, Э. Клобучар, С. Молтон;

МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз: 2016 – Х. Клинтон, Л. Грэм, Д. Трамп, Б. Сандерс, Р. Пол, Дж. Гилмор, М. О’Мэлли, Л. Чейфи, Л. Лессиг, Дж. Уэбб, М. Рубио, Г. Джонсон; 2020 – У. Мессам, Э. Уоррен, Дж. Инсли, К. Джиллибранд, Д. Байден, Х. Кастро, Дж. Сестак, М. Блумберг, Т. Райан, Б. Сандерс, Дж. Делейни, Б. де Блазио, М. Беннетт, С. Буллок, Т. Стейер.

В свете выше изложенного становится понятным, что кандидаты, победившие на выборах Президента США в 2016 и 2020 гг., и кандидаты, которым не удалось набрать достаточного количества голосов, не используют какие-либо специфические МТ и маркирующие их функционально-семантические разновидности высказываний-угроз, а выбирают один из способов развертывания базовой и дополнительных менасивных стратегий. В работе описан стратегический репертуар МТ в вербальном поведении политиков, которым удалось заручиться внушительной поддержкой представителей электорального сообщества. Выяснилось, что для американского предвыборного дискурса 2016 г. эффективным средством политической борьбы является глобальная менасивная стратегия, в основе которой лежит использование кандидатом МТ *точечных “ударов”* по ключевым диспозициям эмоционального состояния избирателей с применением тактик дополнительных стратегий, а именно: МТ *количественного воздействия* и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз. В американской предвыборной коммуникации 2020 г. прагматически эффективным является сочетание в вербальном поведении канди-

дата МТ *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия, МТ *количественного* воздействия и МТ *равномерного* распределения высказываний-угроз.

Таблица 3

Стратегический репертуар МТ в вербальном поведении лидеров политической гонки в 2016 и 2020 гг.

Д.Трамп (2016)	Х.Клинтон (2016)	Д. Байден (2020)	Д.Трамп (2020)
МТ <i>точечных</i> “ударов” МТ _{int} = –50 МТ _{int} = – 38		МТ <i>дисперсного</i> прагма-эмоционального воздействия МТ _{int} = – 37	МТ <i>точечных</i> “ударов” МТ _{int} = – 39
МТ <i>количественного</i> воздействия высказываний-угроз:			
42 менасива	46 менасивов	28 менасивов	49 менасивов
МТ <i>равномерного</i> распределения высказываний-угроз			МТ <i>неравномерного</i> распределения высказываний-угроз

В исследовании показано, что не каждый кандидат, способный распределить менасивы в предвыборном выступлении по принципу организации *точечных* “ударов” или *дисперсного* прагма-эмоционального воздействия на избирателей, может рассчитывать на победу на выборах. Так, Х.Клинтон использует МТ *точечных* “ударов”, но уступает победу Д.Трампу на выборах 2016 г. При этом 42 менасива Д.Трампа оказывают более интенсивное воздействие на избирателей (МТ_{int} = – 50), чем 46 менасивов Х. Клинтон (МТ_{int} = – 38). Отмеченное наблюдение подтверждается и тем, что Д.Трамп, реализовавший МТ *точечных* “ударов” в анонсирующей речи 2020 г., не смог одержать победу на выборах. В частности, 49 менасивов Д.Трампа оказали практически такое же прагма-эмоциональное воздействие на электорат (МТ_{int} = – 39), как и 28 менасивов Д. Байдена (МТ_{int} = – 37). Становится очевидной тенденция: прагматически эффективными являются предвыборные менасивы тех кандидатов, которые умеют подбирать необходимую, но достаточную интенсивность вербального прагма-эмоционального воздействия на электорат.

Полученные результаты дают основание утверждать, что политики целенаправленно используют предвыборные менасивы в качестве манипулятивно-воздействующего ресурса агональной дискурсии, осуществляя стратегический подбор функционально-семантических разновидностей высказываний-угроз и средств их поверхностной манифестации в английском языке, а также выбирая определенную МТ, входящую в функциональный объем глобальной стратегии менасивного воздействия. Реализация кандидатом МТ играет важную роль в формировании воздействующего потенциала его публичного выступления, однако об эффективности функционирования предвыборных высказываний-угроз можно говорить, только принимая во внимание глобальную менасивную стратегию политика, комплексно сочетающую в себе отдельные МТ и их “глубину” интенсивности прагма-эмоционального воздействия на электорат, а также индекс менасивности публичного выступления.

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования и намечена перспектива дальнейшего изучения предвыборных менасивов. Избранный в работе когнитивно-дискурсивный подход позволил описать лингвокогнитивный механизм, лежащий в основе функционирования предвыборных менасивов в условиях американской агональной дискурсии в период с 2015 по 2020 гг. На основании выбранного подхода разработан лингвистический инструментарий в виде коммуника-

тивного конструкта предвыборной угрозы, упорядочены представления носителей английского языка о вербальных проявлениях угрозы и прагма-эмоциональном воздействии на массового адресата конкретных актов менасивной каузации. В рамках настоящего исследования проведено описание языковых средств, задействованных для репрезентации коммуникативного конструкта предвыборной угрозы и его вербальных разновидностей в американском политическом дискурсе, а также систематизированы формальные способы поверхностной манифестации предвыборных менасивов в архиве регулятивных средств английского языка и построена их инвариантная формула. Кроме того, был дифференцирован воздействующий потенциал предвыборных менасивов, а также предложены такие показатели как “глубина” интенсивности прагма-эмоционального воздействия высказываний-угроз и индекс менасивности публичного выступления политика. Рассмотрение дискурсивных проявлений угрозы как коммуникативного менасивного конструкта позволило описать тактико-стратегическую специфику функционирования предвыборных менасивов в политической коммуникации США. Вместе с тем, предлагаемое исследование не исчерпало всей совокупности проблем, связанных с изучением вербального поведения политика, который целенаправленно использует предвыборные менасивы в сфере профессиональной деятельности.

Перспектива развития данного исследования заключается в дальнейшем описании функциональных особенностей менасивов с учетом этнокультурной специфики англоязычной социальной интеракции. На фоне возрастающего интереса представителей германского языкознания к лингвоэкологической сфере коммуникации перспективно обратить внимание на языковую репрезентацию манипулятивной функции менасивов в различных сценариях социального взаимодействия, в том числе в политической коммуникации. Изучение воздействующего потенциала предвыборных высказываний-угроз может быть также дополнено путем привлечения новых экспериментальных данных на материале разносистемных языков. Разработанный лингвистический инструмент открывает широкие возможности для описания вербального поведения языковой личности, использующей менасивные высказывания для решения коммуникативных задач. Поэтому дальнейшее изучение проблематики, связанной с рассмотрением и анализом специфики функционирования менасивов в вербальном поведении говорящего субъекта, остается одним из актуальных направлений в области германского языкознания, когнитивной и политической лингвистики, требующим комплексного описания языковых структур и изучения прагма-эмоционального воздействия, которое высказывания-угрозы оказывают на носителей английского языка.

Приложение содержат результаты анализа содержательных признаков и свойств английских глаголов, входящих в лексико-тематическое пространство угрозы, а также результаты изучения тактико-стратегической реализации высказываний-угроз в анонсирующих речах кандидатов на пост Президента США.

Основное содержание диссертации отражено в публикациях автора:

Статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ

1. Новоселова О.В. Топономия психологического пространства вербальных практик-угроз // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2013, № 2. – С. 20–32. – ISSN: 1999-4133 (0,75 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,6 п.л.)

2. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство регулятив-

ных менасивных действий [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2013, № 3. – С. 72–84. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (0,8 п.л.)

3. Новоселова О.В. Семиопсихологическая интерпретация менасивных топонимом // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2014, № 1. – С. 7–17. – ISSN: 1999-4133 (0,6 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,5 п.л.)

4. Новоселова О.В. Функционально-семантическая интерпретация менасивных топонимом в социальной интеракции [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2014, № 2. – С. 68–77. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (0,6 п.л.)

5. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как прагматический конструкт [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 2. – С. 59–74. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (1 п.л.)

6. Новоселова О.В. Функциональные характеристики дискурса коммуникативной справедливости [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 3. – С. 88–100. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (0,8 п.л.)

7. Новоселова О.В. Прагматика коммуникативной справедливости // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2015, № 4. – С. 23–35. – ISSN: 1999-4133 (0,75 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,5 п.л.)

8. Новоселова О.В. Модели дискурса-конструкта коммуникативной справедливости [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, №5 (юб). – С. 64–73. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (0,6 п.л.)

9. Новоселова О.В. Функционально-семантические критерии коммуникативной справедливости vs несправедливости менасивных высказываний [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С. 92–108. – Режим доступа: <http://tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (1,1 п.л.)

10. Новоселова О.В. ИмPLICITные менасивы российского предвыборного дискурса [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 4. – С.153–168. – Режим доступа: www.tverlingua.ru. – ISSN: 1999-8406 (0,9 п.л.)

11. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы как особый прагматический тип высказываний со значением угрозы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020, № 1. – С. 44–52. – DOI: 10.17238/issn2227-6564.2020.1.44. – ISSN: 2227-6564 (0,5 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.)

12. Новоселова О.В. Стратегический статус транспонированных угроз в предвыборном информационном пространстве [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2020, № 2. – С. 152–164. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – ISSN:1999-8406 (0,75 п.л.)

13. Новоселова О.В. Лингвокогнитивный анализ конвергентного пространства конструкта угрозы // Вопросы психолингвистики. – 2021, №2 (48). – С. 96–117. – DOI: 10.30982/2077-5911-2021-48-2-96-117. – ISSN: 2077-5911 (1,3 п.л.; в соавт., личный вклад – 1 п.л.)

14. Новоселова О.В. Формирование коммуникативного статуса угрозы: лек-

сико-семантические основания [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, №3. – С.83–101. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (1,2 п.л.)

15. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы в вербальном поведении американских политических деятелей [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2021, №4. – С.44–61. – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>. – ISSN: 1999-8406 (1,2 п.л.)

Статьи в международных индексируемых изданиях, включенных в наукометрические базы данных Scopus и Web of Science

16. Novoselova O.V. Communicative space of the composite threat-performatives // Journal of Language and Literature. – 2014, Vol. 5, № 4. – P. 100–103. – ISSN: 2078-0303 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.) (Scopus)

17. Novoselova O.V. Communicative construct of the composite threat-performatives // Procedia. Social and Behavioral Sciences. – 2015, Vol. 206. – P. 71–75. – ISSN: 1877-0428 (0,25 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,2 п.л.) (Web of Science)

18. Новоселова О.В. Дискурсивная реализация угрозы в предвыборной коммуникации // Russian Journal of Linguistics. – 2020, Т. 24, № 2. – С. 419–448. – ISSN 2312-9182 (1,8 п.л.; в соавт., личный вклад – 1,5 п.л.) (Scopus; Web of Science)

19. Novoselova O.V. Varieties of menasive transposition in the context of pre-election discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021, Vol. 108. – P. 1191–1198. – ISSN: 2357-1330 (0,45 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.) (Web of Science)

20. Novoselova O.V. Threatening strategy in pre-election discourse // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021, Vol.102. – P. 703–710. – ISSN: 2357-1330 (0,45 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.) (Web of Science)

Монографии

21. Новоселова О.В. Дискурс угрозы в социальной интеракции. – М.-Тверь: Институт языкознания РАН, Тверская ГСХА, 2013. – 168 с. – ISBN 978-5-91488-094-8 (12 п.л.; в соавт., личный вклад – 10 п.л.)

22. Новоселова О.В. Коммуникативный абсурд в актах менасивной дискурсии // Абсурд в коммуникациях, или общение без понимания: коллективная монография. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 66–79. – ISBN 978-5-9710-5181-7 (0,8 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,6 п.л.)

23. Новоселова О.В. Менасивные конструкторы предвыборной дискурсии: лингвокогнитивный анализ материалов программ президентской кампании 2018 года. – М.: Флинта, 2021. – 440 с. – ISBN 978-5-9765-4562-5 (25,58 п.л.; в соавт., личный вклад – 21 п.л.)

24. Новоселова О.В. О статусе угрозы в экспертной деятельности лингвиста // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве. Т.2. Лингвистические аспекты профессиональной юридической коммуникации. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2021. – С. 143-152. – ISBN 978-5-7924-1757-1 (0,7 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,5 п.л.)

25. Новоселова О.В. Дискурс угрозы как стратегический ресурс предвыборной коммуникации // Социокультурные угрозы: реальность, ментальные модели и дискурс. – М.: Изд-во ЯСК, 2022. – С. 187–229 (2 п.л.; в соавт., личный вклад – 1 п.л.)

Статьи в сборниках научных трудов и материалах научных конференций

26. Новоселова О.В. Менасивное пространство корпорального дискурса // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Се-

рия «Филология. Социальные коммуникации». – 2013, № 1, Т. 26 (65). – С. 510–514 (0,25 п.л.)

27. Новоселова О.В. Медиадискурс политической угрозы как коммуникативный конструкт СМИ // Медиалингвистика. Вып. 2. Речевая коммуникация в средствах массовой информации: сб. статей. – СПб.: Санкт Петербургский гос. ун-т, 2013. – С. 73–76 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

28. Новоселова О.В. Особенности формального варьирования дискурсивных практик-угроз // Современные направления анализа и интерпретации инокультурных текстов: сб. науч. трудов Всерос. семинара (3–5 апреля 2013 г.). – Томск: Томский политехнический ун-т, 2013. – С. 93–99 (0,4 п.л.)

29. Новоселова О.В. Коммуникативный конструкт политической угрозы как медиадискурс // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». – 2013, № 1 (37). – С. 201–211 (0,6 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.)

30. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство перформативных практик-угрозы // Языковой дискурс в социальной практике: мат. Междунар. научно-практ. конф. (5-6 апреля 2013 г.). – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2013. – С. 189–194 (0,31 п.л.)

31. Новоселова О.В. Конструктивно-коммуникативное пространство композитных менасивных практик // Когнитивные исследования на современном этапе: сб. статей Междунар. научно-практ. конф. (8-9 апреля 2013 г.). – Ростов н/Д: МАРТ, 2013. – С. 411–414 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

32. Новоселова О.В. Политическая угроза как коммуникативный конструкт // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ. – Симферополь: Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования, 2013, № 5. – С. 355–357 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

33. Новоселова О.В. Топономическое пространство менасивной корпоральности // Континуальность и дискретность в языке и речи: мат. Междунар. науч. конф. (10–12 октября 2013 г.). – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013. – С. 114–116 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

34. Новоселова О.В. Политический менасив в медийном пространстве // Масс-медиа и массовые коммуникации: статус научных и учебных дисциплин: сб. науч. работ Междунар. коллоквиума (26-27 сентября 2013г.). – Белгород: «Политерра», 2013. – С. 89–95 (0,4 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,2 п.л.)

35. Новоселова О.В. Система интерактивных менасивных координат // Вісник Донецького національного університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – 2013, № 1-2, Т. 1. – С. 227–232 (0,3 п.л.)

36. Новоселова О.В. Медийный дискурс политической угрозы в свете коммуникативного конструктивизма // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации: мат. Междунар. науч. конф. (27-29 октября 2013г.). – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2013. – С. 267–272 (0,3 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,2 п.л.)

37. Новоселова О.В. Психосемантика медийного дискурса угрозы в политической коммуникации // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвузовский сб. науч. трудов. – Орёл: Орловский гос. институт искусств и культуры, 2013, Вып. 11. – С. 148–159 (0,7 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,5 п.л.)

38. Новоселова О.В. Особенности перевода менасивных практик (на материале английского и немецкого языков) // Актуальные вопросы переводоведения и прак-

тики перевода: междунар. сб. науч. статей. Вып. 4. – Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2014. – С. 138–145 (0,5 п.л.)

39. Новоселова О.В. Дискурс-конструкт в политической медиасфере [Электронный ресурс] // Медиа в современном мире. Петербургские чтения: тезисы докл. Междунар. научного форума (23-25 апреля 2014 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. – Режим доступа: <http://jf.spbu.ru> (0,2 п.л.)

40. Новоселова О.В. Конструктивное пространство рекламного дискурса // Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». – 2014, № 2 (40). – С. 47–58 (0,7 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,4 п.л.)

41. Новоселова О.В. Ментальный конструкт как информационный медиум рекламной коммуникации // Актуальные вопросы подготовки специалистов в сфере связей с общественностью и рекламы: мат. Междунар. научно-практ. конф. (25 апреля 2014 г.). – Минск: Белорус. гос. ун-т, 2014. – С. 111–114 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

42. Новоселова О.В. Политический дискурс угрозы в медийном пространстве // Слова ў кантэксте часу: да 85-годдзя прафесара А.І. Наркевіча: зборнік навуковых прац. – У 2-х т., Т. 1. – Мінск: Беларускі дзярж. ўн-т, 2014. – С. 200–208 (0,5 п.л.)

43. Новоселова О.В. Коммуникативно-конструктивное пространство перформативов угрозы // Культура как текст: сб. науч. статей. Вып. 12. – М.: ИЯ РАН; Смоленск: Смоленский гос. ун-т, 2014. – С. 18–23 (0,3 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,2 п.л.)

44. Новоселова О.В. Габитусные координаты менасивности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2014, Том 27 (66), № 1, Ч.1. – С. 124–128 (0,25 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,15 п.л.)

45. Новоселова О.В. Политический менасив в медийном пространстве // Публицистика в современном обществе: мат. научно-практ. семинара (14 ноября 2013 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. – С. 43–51 (0,5 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.)

46. Новоселова О.В. Вербальное политическое пространство корпоральности // Медиалингвистика. Речевые жанры в массмедиа. Вып. 3. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2014. – С. 149–152 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

47. Новоселова О.В. Конструктивные менасивы в аспекте перевода // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. трудов. Вып. 11. – Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. – С. 265–275 (0,7 п.л.)

48. Новоселова О.В. Прагматический статус коммуникативного конструкта конфликта (угрозы) в разных типах дискурса // Академический дискурс и дискурсный подход в преподавании иностранных языков: мат. Междунар. круглого стола (16–18 апреля 2015 г.) – Минск: БГУ, 2015. – С. 28 (0,1 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,05 п.л.)

49. Novoselova O.V. Construct of threat discourse in Russian politics // Globe East – West European forum on discourse. Past, present and future of discourse studies: books of abstracts (14 – 16 May, 2015). – Warsaw: University of Warsaw, 2015. – P. 53 (0,1 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,05 п.л.)

50. Новоселова О.В. Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // Функциональная лингвистика: сб. науч. докл. Междунар. лингвистического конгр. (Ялта, 5–8 октября 2015 г.). – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

51. Новоселова О.В. Инструментальная функция конструкта при переводе мена-

сивных конструкций // Универсальное и национальное в языковой картине мира: мат. Междунар. науч. конф. (2-3 октября 2015г.). – Минск: МГЛУ, 2016. – С.203–206 (0,2 п.л.)

52. Новоселова О.В. Политическая и коммуникативная справедливость предвыборных лозунгов в медийном пространстве [Электронный ресурс] // Медиа в современном мире. Петербургские чтения: тезисы докл. Междунар. науч. форума (21–22 апреля 2016 г.). – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2016. – Режим доступа: <http://jf.spbu.ru> (0,13 п.л.)

53. Новоселова О.В. Речевое поведение собеседников в интерактивном пространстве коммуникативно-справедливого взаимодействия // Межкультурные коммуникации: тезисы Междунар. науч. конф. (18-20 апреля 2016 г.). – Симферополь: Крымский фед. ун-т им. В.И. Вернадского, 2016. – С. 30–32 (0,12 п.л.)

54. Новоселова О.В. Категория коммуникативной справедливости и ее семантическое наполнение // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: тезисы Всерос. научн. конф. (28-29 октября 2016 г.). – Воронеж: Истоки, 2016. – С. 59–61 (0,2 п.л.)

55. Новоселова О.В. Инфосфера как новая регулятивно-миметическая «сетевая территория» // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: сб. науч. работ Междунар. научно-практ. конф. (5-7 октября 2016 г.). – Белгород: ИД «Белгород», 2016. – С. 81–96 (0,9 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,6 п.л.)

56. Новоселова О.В. Прагматограмматическая специфика дискурса коммуникативной справедливости // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. науч. трудов Междунар. научно-практ. конф. – Томск: Томский политехнич. ун-т, 2016. – С. 178–183 (0,3 п.л.)

57. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как разновидность конструкта // Язык в различных сферах коммуникации: мат. Междунар. науч. конф. (29-30 сентября 2016 г.). – Чита: Забайкальский гос. ун-т, 2016. – С. 48–51 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

58. Новоселова О.В. Конструкт лингвоэкологической справедливой коммуникации // Ученые записки Крымского фед. ун-та им. В.И.Вернадского. Филологические науки. – 2016, Т.2, № 1-1. – С. 79–85 (0,4 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,2 п.л.)

59. Новоселова О.В. Менасивные высказывания в коммуникативно справедливом пространстве диалога // Русский язык и литература в мультикультурном пространстве: мат. Всерос. научно-практ. конф.(30-31 марта 2017 г.). Ч.2. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогич. гос. ун-т, 2017. – С. 67–73 (0,4 п.л.)

60. Новоселова О.В. Факторы коммуникативной справедливости медийных сообщений // Журналистика – словесность – культура: мат. Междунар. научно-практ. конф.(1 марта 2017 г.). – Брест: Брестский гос. ун-т, 2017. – С. 132–135 (0,2 п.л.)

61. Новоселова О.В. Функционально-содержательная специфика коммуникативно несправедливых менасивных высказываний // Межкультурная коммуникация: теория и практика: сб. науч. трудов Междунар. научно-практ. конф. (11–13 октября 2017 г.). – Томск: Томский политехнич. гос. ун-т, 2017. – С. 59–64 (0,3 п.л.)

62. Новоселова О.В. Коммуникативный конструкт угрозы как маркер предвыборного воздействия // Жизнь языка в культуре и социуме – 7: мат. Всерос. науч. конф. (1-2 июня 2018 г.) – М.: «Канцлер», 2018. – С. 198–199 (0,12 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,06 п.л.)

63. Новоселова О.В. Семиотическое пространство коммуникативно справедли-

вых актов менасивной дискурсии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и мультикультурном пространстве: мат. Междунар. научно-практ. конф. (1-2 ноября 2018 г.). – Москва: «Перо»; Саратов: Амирит, 2018. – С. 251–256 (0,3 п.л.)

64. Новоселова О.В. Стратегическое распределение менасивных практик в программном дискурсе кандидатов в Президенты РФ // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных массмедиа в перспективе теории, социальной практики и образования: мат. Междунар. научно-практ. конф. (3-5 октября 2018 г.). – № 3, Т.2. – Белгород: Политерра, 2018. – С. 56–65 (0,6 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,4 п.л.)

65. Новоселова О.В. Специфика категории коммуникативной справедливости в межкультурной коммуникации // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: мат. Междунар. научно-практ. форума (11–14 октября 2018 г.). – Казань: Казанский фед. ун-т, 2018. – С.132–134 (0,12 п.л.)

66. Новоселова О.В. Речевая агрессия в контексте категорий коммуникативной толерантности и коммуникативной справедливости // Языковой дискурс в социальной практике: мат. Междунар. научно-практ. конф. (29-30 марта 2019 г.). – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2019. – С. 197–203 (0,4 п.л.)

67. Новоселова О.В. Средства языковой репрезентации менасивов в программном дискурсе кандидатов на пост Президента РФ в 2018 году // Инновационные подходы к развитию науки и производства регионов: сб. науч. трудов по мат. Нац. научно-практ. конф. (12-14 февраля 2019 г.). – Тверь: Тверская ГСХА, 2019. – С. 391–394 (0,2 п.л.)

68. Новоселова О.В. Речевая манифестация менасивных тактик в предвыборном дискурсе // Теория речевой деятельности: вызовы современности: мат. Междунар. симпоз. (6-8 июня 2019 г.). – М.: «Канцлер», 2019. – С. 204–205 (0,1 п.л.)

69. Новоселова О.В. Речевые тактики в политическом менасивном дискурсе // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи: сб. науч. трудов Междунар. симпоз. (17-19 мая 2019 г.). – Ярославль: ЯГПУ, 2019. – С. 545–551 (0,4 п.л.)

70. Новоселова О.В. Стилистические средства языковой репрезентации менасивов в предвыборной коммуникации // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. статей Междунар. науч. конф. (13-14 мая 2019 г.). – М.: Флинта, 2019. – С. 626–632 (0,4 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.)

71. Новоселова О.В. Политические менасивы в предвыборной коммуникации: конструктивный подход // Научные приоритеты в АПК: инновации, проблемы, перспективы развития: мат. Междунар. научно-практ. конф. (22 октября 2019 г.). Ч. 2. – Тверь: Тверская ГСХА, 2019. – С. 311–318 (0,45 п.л.)

72. Новоселова О.В. Прагматическая вариативность менасивной транспозиции в российском предвыборном дискурсе // Дискурсология и медиакритика современных СМИ: мат. Междунар. конф. (2-4 октября 2019 г.). – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2019. – С.239–245 (0,4 п.л.)

73. Новоселова О.В. Менасивы как особая разновидность коммуникативно справедливых практик // Диалог культур в контексте образовательной деятельности: мат. Всерос. научно-практ. конф. (11 декабря 2019 г.). – Набережные Челны: Набережночелнинский гос. педагогич. ун-т, 2019. – С. 364–367 (0,2 п.л.)

74. Новоселова О.В. Менасивный контент предвыборных практик политической дискурсии Владимира Путина // Studia rusycystyczne. Т. 27. – Kielce: Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego, 2019. – С. 89–100 (0,7 п.л.; в соавт., лич-

ный вклад – 0,5 п.л.)

75. Новоселова О.В. Коммуникативно-интенциональное предназначение высказываний-угроз // *Общественные и гуманитарные науки: мат. Междунар. научно-техн. конф. (3-14 февраля 2020 г.)* – Минск: Белорусский гос. технологич. ун-т, 2020. – С. 361–363 (0,12 п.л.)

76. Новоселова О.В. Менасивные высказывания в коммуникативном пространстве англоязычного диалога // *Наука, образование, культура: сб. статей Междунар. научно-практ. конф. (11 февраля 2020 г.)*. Т.2: Право и политические науки. Филология. – Комрат: КГУ, 2020. – С. 575–578 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

77. Новоселова О.В. Коммуникативная справедливость как базовая категория социального взаимодействия // *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. статей*. Вып. 11. – Красноярск: Сибирский фед. ун-т, 2020. – С. 41–45 (0,25 п.л.)

78. Новоселова О.В. Скрытые угрозы в предвыборном коммуникативном пространстве // *Цифровизация в АПК: технологические ресурсы, новые возможности и вызовы времени: сб. науч. трудов по мат. Междунар. научно-практ. конф. (11-13 февраля 2020 г.)*. – Тверь: Тверская ГСХА, 2020. – С.456–459 (0,2 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,1 п.л.)

79. Новоселова О.В. Особенности поверхностной манифестации предвыборных высказываний с менасивным потенциалом // *Языковой дискурс в социальной практике: сб. науч. трудов Междунар. научно-практ. конф. (3-4 апреля 2020 г.)*. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2020. – С. 195–199 (0,25 п.л.)

80. Новоселова О.В. Семантическая специфика угрозы в судебно-экспертной деятельности // *Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: сб. мат. Всерос. научно-практ. конф. (15 ноября 2020 г.)*. Вып. 10. – Ростов н/Д: Дониздат, 2020. – С. 64-70 (0,4 п.л.; в соавт., личный вклад – 0,3 п.л.)

81. Новоселова О.В. Экспозитивные практики американских политических угроз // *Инновационные технологии в АПК региона: достижения, проблемы, перспективы развития: мат. Нац. научно-практ. конф. (9-11 февраля 2021 г.)*. – Тверь: Тверская ГСХА, 2021. – С. 509–512 (0,2 п.л.)

82. Новоселова О.В. Предвыборные менасивы в информационном пространстве американских СМИ // *Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. трудов по мат. Междунар. конф. (7-8 октября 2021 г.)*. – Белгород: ПОЛИТЕРРА, 2021. – С.223–227 (0,2 п.л.)

83. Новоселова О.В. Лимологическая семантика вербальной угрозы // *Лингвистическая лимология: сб. статей по мат. Всерос. науч. конф. (16 декабря 2021 г.)*. – М.: МГОУ, 2021. – С. 98-101 (0,2 п.л.)

84. Новоселова О.В. Менасивные конструкции в предвыборных речах Д. Трампа // *Инновационные технологии в АПК: проблемы и перспективы: мат. Междунар. научно-практ. конф. (12-14 октября 2021 г.)*. – Тверь: Тверская ГСХА, 2021. – С. 411-414 (0,2 п.л.)

85. Новоселова О.В. Коммуникативный конструкт угрозы: концепции и подходы // *Дискурс в социокультурном пространстве: коммуникативные механизмы и ментальные структуры его репрезентации: сб. науч. трудов*. – М.: Флинта, 2021. – С. 310–329. (1,2 п.л.)

Учебные пособия

86. Novoselova O.V. International business communication: ethics, relations, negotiations and business dialogues. – Tver: Institute of applied linguistics and mass communications, 2013. – 139 p. (10,6 п.л.; в соавт., личный вклад – 7 п.л.)